

Великая Отечественная: Неизвестная война
Владимир Бешанов

Год
1942-
«УЧЕБНЫЙ»

**Издание второе,
дополненное
и переработанное**

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

Год 1942 – «учебный»

«Яуза»

2008

Бешанов В.

Год 1942 – «учебный» / В. Бешанов — «Яуза», 2008 — (Великая Отечественная: Неизвестная война)

ISBN 978-5-699-30268-0

В начале 1942 года, после поражения немцев под Москвой, советское командование решило перейти в общее наступление на всех фронтах, от Ленинграда до Крыма. Явно переоценив первые успехи Красной Армии, Сталин объявил 42-й год «победным», годом «полного разгрома гитлеровских войск», поставив задачу «гнать их на запад без остановки». Расплата за недооценку противника оказалась жестокой. Харьковская катастрофа и ржевская мясорубка, кровавые бои на Невском пятачке и в большой излучине Дона, сдача Севастополя и трагедия Мясного Бора – поражения 1942 года по масштабам и потерям были вполне соизмеримы с разгромом 41-го, причем их уже нельзя было оправдать «внезапностью вражеского нападения». И советская пропаганда не придумала ничего лучшего, как назвать 1942 год «учебным» – дескать, все неудачи объясняются тем, что мы лишь «учились воевать». Вот только обошлась эта «учеба» слишком дорого – по некоторым оценкам, безвозвратные потери Красной Армии превысили 7 миллионов человек (для сравнения, потери Вермахта на Восточном фронте за тот же период составили лишь 519 тысяч). Книга Владимира Бешанова – подробный рассказ о военных катастрофах 1942 года, который памятен как один из самых страшных и кровавых в истории России. Издание второе, переработанное, расширенное и исправленное.

ISBN 978-5-699-30268-0

© Бешанов В., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
НОВЫЙ ГОД – НОВЫЕ НАДЕЖДЫ	9
СОВЕТСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ	12
ГЕРМАНСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ	18
НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	23
ТОРОПЕЦКО-ХОЛМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	26
ПОД РЖЕВОМ И ВЯЗЬМОЙ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Бешанов

Год 1942 – «учебный»

ВСТУПЛЕНИЕ

...История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая... Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать...

Маршал Г. К. Жуков

«Действительно, многие военные писатели, генералы и маршалы так искажают историю Отечественной войны, что от действительной истории иногда остается лишь общий фон, схема, скелет, а содержание так «состряпано», что зачастую не поймешь, когда и где это было», – заявил как-то Жуков, давая интервью «Литературной газете».

Перефразируя старый софизм, спросим: если самый главный маршал той войны сказал, что маршалы врут (искажают историю), говорил ли он правду?

На самом деле этот вопрос никого не интересовал. Главным при написании истории Отечественной войны 1941 – 1945 годов было доказать великие преимущества социалистического строя, непогрешимость политического руководства, прозорливость и искусность полководцев, мощь Советской Армии, практически в одиночку спасшей мир от «коричневой чумы», монолитное единство коммунистической партии и народа, готовность последнего защищать «завоевания Октября».

И вот мы имеем историю, «которая написана», но «абсолютно неправдивая». В популярном изложении для массового потребления – это лубок, скомпонованный из жуковских мемуаров, киноэпопей Озерова и романов Стаднюка. В сознании прочно укоренились мифы о том, как принципиальный Жуков предостерегал Сталина и спас Ленинград, о «28 панфиловцах» и «моряхах-черноморцах», о рельсовой войне и грандиозной победе под Прохоровкой, знаменитой «прожекторной» атаке и бездеятельности союзников. Кого надо (в основном самих себя) – прославили, о ком надо умолчали. После смерти в 1982 году последнего «выдающегося полководца» Л.И. Брежнева труд был закончен – добавить больше было нечего. В этой истории, созданной под эгидой отдела военной истории при Институте марксизма-ленинизма, переплелись и личные амбиции ее участников, и идеологические требования. Причем идеология, конечно, стояла на первом месте, а наша «история» являлась орудием борьбы с «буржуазными фальсификаторами».

Еще 15 лет назад офицеров Советской Армии и Флота заставляли писать сочинение на тему «За что я ненавижу американский империализм». (Моего знакомого, по наивности поверившего в лозунги «перестройки» и написавшего, что к американскому империализму у него претензий нет, выгнали со службы.)

С тех пор мир сильно изменился. Лишенная возможности распространять «бациллы большевизма» на другие народы, под собственной тяжестью рухнула «мировая система социализма», окончательно обанкротилось «самое передовое» учение Маркса – Ленина, а «звериное лицо империализма» обернулось «другом Биллом» и «другом Колем».

Ничего не изменилось только в истории Отечественной войны. Мы по-прежнему штурмуем рейхстаг и рассказываем своим детям о том, как спасли мир. Хотя для наших детей – это события прошлого века, такие же древние, какими для моего поколения были Цусима и падение Порт-Артура.

Учебники, книги, статьи полны идеологических штампов из лексикона «Красной Звезды» военных лет: «фашистские орды», «бесноватый фюрер», «гитлеровские стервятники», «белофинны», «вероломство союзников», «японские милитаристы» и тому подобное. Вот, например, вышла статья, подписанная кандидатом исторических наук, с подзаголовком: «22 июня исполняется 60 лет (70, 80... 100?) со дня варварского нападения фашистской Германии на СССР». Нет уже ни фашистской Германии (которая никогда и не была «фашистской», о чем кандидату наук следовало бы знать), ни СССР, однако статья – прямо сводка Совинформбюро. Дело доходит до абсурда. 9 мая 2001 года немецкой делегации не позволили возложить цветы на братскую могилу советских воинов в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», чтобы не затронуть чувств наших ветеранов. Что не помешало последним по окончании митинга с благодарностью принимать от «фашистов» денежную помощь.

Наверно, пора уже понять, что эта война закончилась. А также вспомнить, что за Победу вместе с нами сражалось 70% населения земного шара. Пора сосчитать своих павших и заодно подумать, отчего это не было сделано раньше и почему так невероятно велики оказались потери, несмотря на «преимущества социалистического строя» и наличие плеяды «выдающихся полководцев». То ли это были не преимущества, то ли – не полководцы?

В официальной версии начальный период войны излагается следующим образом: «Война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. На первом этапе войны гитлеровская армия, ввиду внезапного и вероломного нападения на СССР, имела некоторые временные преимущества перед Красной Армией. Эти преимущества заключались в том, что фашистская Германия, исподволь готовясь к войне против нашей страны, заранее перевела все хозяйство для обслуживания фронта, создала количественное превосходство в танках и авиации. Немецкая армия была полностью отобилизована к началу войны. К тому же она имела известный опыт современного ведения войны с использованием больших масс танков, авиации, автоматического оружия, полученный ею в войне с Польшей, Бельгией, Францией, Грецией, Югославией. Понятно поэтому, что в первые месяцы войны Красная Армия была вынуждена отступать и оставить часть советской территории».

Одним словом, мы к войне не готовились, вероломного нападения не ожидали, не отобилизовались, не имели ни количественного превосходства, ни боевого опыта (но при этом, «укрепляя обороноспособность», за полтора года успели совершить агрессию против шести государств).

Последний тезис старательно подкреплялся «научно» высосанными из пальца цифрами, долженствующими свидетельствовать о подавляющем превосходстве немецкой армии в людях и технике, вкуче с жуткими подробностями о том, как советские бойцы героически бросались под танки, имея одну винтовку на троих (даже винтовок не хватало!). Сегодня ни для кого не секрет, что количественного превосходства над Красной Армией вермахт не имел никогда. Германские сухопутные силы на Восточном фронте не превышали 3,4 миллиона человек (общее количество всех военнослужащих в самые лучшие времена достигало 4,3 миллиона). Между тем в Советском Союзе только в 1941 году в вооруженные силы было мобилизовано около 10 миллионов, что, кстати, более чем вдвое превышало штаты военного времени и возможности Наркомата обороны по их обучению и вооружению. Поэтому призывников и ополченцев так и бросали в бой – необученными и невооруженными, именно отсюда – одна винтовка на троих.

Эти миллионы, в основном безымянные, остановили немцев под Москвой, Ленинградом и Ростовом. А что произошло потом? Что мы знаем о событиях 1942 года? Даже школьник скажет, что был Сталинград. А как там оказалась германская армия? Главное – почему? Ведь Сталин планировал в 1942 году победоносно закончить войну и жестоко спорил с англо-американскими союзниками о признании западных границ СССР. Вместо этого вновь врагу

были отданы огромные территории, вдребезги разбиты полтора десятка советских армий (одна только 51-я армия – трижды), потери РККА оказались наивысшими за всю войну.

Традиционные объяснения неудач 1942 года были предложены еще Сталиным. Главная из них, кроме само собой разумеющегося «превосходства противника», заключалась в том, что: «предательская политика реакционных правящих кругов США и Англии, срывающих открытие второго фронта в Европе, позволила гитлеровцам сосредоточить к лету 1942 года крупные силы для наступления на советско-германском фронте... Фактически Советская Армия продолжала вести борьбу одна против всей фашистской коалиции». Этому есть что возразить.

Во-первых, силы были не такие уж крупные. Во всяком случае, меньше, чем их было в июне 1941 года, когда к тому же действовал «привходящий» фактор внезапности.

Во-вторых, сегодня эти обвинения звучат по меньшей мере неприлично. Значит, когда мы помогали Гитлеру воевать с Англией, которая именно одна и сражалась в ту пору против всей фашистской коалиции, то заботились о своей безопасности. Когда же Англия сама первой протянула нам руку помощи, без которой войну было не выиграть, мы обвинили ее в «предательской политике». Мы не хотим знать, что война была не только Отечественной, но и мировой, ведь нам так хочется верить в наш «решающий вклад».

В-третьих, это объяснение ничего не объясняет. Гитлер тоже мог бы пожаловаться, что Япония не открыла второй фронт на Дальнем Востоке, поэтому Красная Армия имела такие же возможности сосредоточить силы где ей было угодно. Но не сосредоточила, или сосредоточила не там, где нужно, либо использовала их не так, как следовало.

Отсюда возникает еще один вопрос: как же воевала наша «непобедимая и легендарная», о чем думали ее полководцы, вооруженные самой передовой военной наукой? Генералы повсеместно, особенно битые, часто сетуют на начальство, ошибки подчиненных, недостаток сил или неблагоприятные погодные условия. Советские маршалы тоже широко используют все эти аргументы. Но, кроме того, они придумали своим провалам совершенно уникальное оправдание: оказывается, в 1942 году они еще не умели воевать. Все они – руководители фронтов, командующие армиями, начальники штабов с детской непосредственностью сообщают, что они пока только учились, присматривались к противнику, накапливали опыт! А то, что это обошлось в 48 миллионов гражданского населения, пережившего оккупацию, и 6 – 7 миллионов (цифра уточняется до сих пор) погибших солдат – издержки обучения. Кстати, и «успехи в учебе» не впечатляют.

Валентин Пикуль в своем последнем романе много размышлял над этим феноменом и только развел руками: «Когда задумываешься о любимцах Сталина, которым вверялась власть над миллионами наших солдат, то невольно возникает вопрос: как мы вообще эту войну с Германией выиграли?»

Хороший вопрос. Но, слава Богу, мы были не одни.

НОВЫЙ ГОД – НОВЫЕ НАДЕЖДЫ

В принципе же тот факт, что мы отступили далеко от границы и дали противнику возможность занять и разорить Украину, Белоруссию, часть Российской Федерации, явился результатом просчетов и неумелого руководства. Вероятно, многие люди, которым доверили дело, были достаточно примитивны.

Н. С. Хрущев

В конце 1941 года, после ряда катастрофических поражений, Красная Армия сумела провести крупные наступательные операции под Ростовом и Тихвином, а также «развеесть миф о непобедимости германской армии» на полях Подмосковья. Советские войска достигли существенных результатов, отбросив противника на 150 – 300 км на запад и нанеся ему значительные потери в живой силе и особенно в технике.

К Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину вновь начала возвращаться былая уверенность. Преодолев кризис под Москвой, он счел, что война теперь пошла по той же колее, что и в 1812 году: враг разбит, настало время его преследования и окончательного разгрома.

Сталину очень нравилась такая аналогия, и уже тогда историками в погонах начала разрабатываться верноподданническая теория о том, как «величайший полководец современности Иосиф Виссарионович Сталин», подобно «гениальному Кутузову» (но применив еще и безошибочную марксистскую методу), заманил Гитлера под Москву, где и «загубил» его лучшие войска.

«Советская военная наука, созданная товарищем Сталиным, заново разработала и успешно применила... контрнаступление... Сталинское учение о контрнаступлении явилось величайшим приобретением советской военной науки», – писал полковник П.А. Жилин в своей работе, посвященной... фельдмаршалу М.И. Кутузову. Все правильно понимал товарищ, как не сделать такого академиком?

В общем, Верховный Главнокомандующий «непобедимой и легендарной» пришел в себя после нокдауна. Изменение показаний сталинского «барометра» четко прослеживается в развитии его взаимоотношений с вновь приобретенными западными союзниками, в частности по вопросу второго фронта.

Впервые правительство СССР поставило этот вопрос менее чем через месяц после германского нападения. Было отчего: к этому времени потерпели сокрушительное поражение армии Кузнецова и Павлова, пал Смоленск, танки вермахта рвались к Ленинграду, Москве и Киеву. Пришлось советскому генсеку, еще недавно готовившему Великий освободительный поход с целью освобождения международных пролетариев от «гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи», просить помощи у заклятых классовых врагов – английских буржуев. В послании на имя британского премьер-министра, датированном 18 июля 1941 года, говорилось:

«...Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на Севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию... Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции».

Черчилль даже не стал советоваться со своими военными, а сразу ответил, что создание фронта во Франции является в настоящий момент нереальным предприятием.

3 сентября, в момент нового обострения ситуации на советско-германском фронте, когда бои шли у стен Киева, а танковая группа Гудериана выходила в тыл войскам генерала Кирпоноса, Сталин вновь повторил свое предложение: «...создать уже в этом году второй фронт...», который бы оттянул с советского фронта 30 – 40 немецких дивизий, – и вновь получил отказ.

Ясно, Черчилль – сволочь, старый враг Советской власти и желает «нашего ослабления». 6 ноября 1941 года в торжественной речи, которую пришлось произносить в подземном зале московского метро, Сталин недвусмысленно возложил вину за свои военные поражения на Англию и США, заявив:

«Одна из причин неудач Красной Армии состоит в отсутствии второго фронта в Европе против немецко-фашистских войск. Дело в том, что в настоящее время на Европейском континенте не существует каких-либо армий Великобритании и Соединенных Штатов Америки, которые бы вели войну с немецко-фашистскими войсками... Обстановка теперь такова, что наша страна ведет освободительную войну одна, без чьей-либо военной помощи...»

Вождь, мягко говоря, лукавил.

Во-первых, уже 22 июня 1941 года Черчилль предложил «оказать России и русскому народу всю ту помощь, какую мы только сможем». С начала сентября Великобритания начала поставки военной техники Советскому Союзу на условиях ленд-лиза, то есть в долг, а 1 октября 1941 года в Москве был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять в СССР ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, большое количество грузовых автомобилей и многое другое. Так что военную помощь Красная Армия получала, и объемы ее росли.

Во-вторых, с чего бы вдруг объявились на континенте «армии» Соединенных Штатов, государства, которое ни с кем не воюет?

И в-третьих, именно Англия бескомпромиссно сражалась с Гитлером и его союзниками в течение двух лет (1939 – 1941), причем последний год – в одиночку. Англия теряла корабли, самолеты, солдат, вела битву за Британию и битву за Атлантику, сражалась в Египте, Франции, Греции и Норвегии, охотилась на «Бисмарк» и терпела поражения под Дюнкерком и на Крите. Ее города подвергались разрушительным бомбардировкам, в которых погибли десятки тысяч мирных жителей и огромные материальные ценности. Все это время Советский Союз, оговорив пактом 1939 года свою «зону влияния», снабжал дружественную Германию стратегическим сырьем, укрывал германские корабли в своих базах, выводил «корсаров фюрера» на британские коммуникации Северным морским путем, а наш нарком иностранных дел товарищ В. М. Молотов отстукивал в Берлин поздравительные телеграммы на взятие европейских столиц. Остров бился в тисках подводной блокады, а товарищ Сталин слал камраду Гитлеру эшелоны с зерном, лесом, никелем, хромом, марганцем, цинком, каучуком, хлопком – всем тем, в чем нуждались военные заводы Третьего рейха.

Черчилль, выступая в палате общин 13 мая 1940 года, заявил:

«...Вы спрашиваете, в чем состоит наша политика? Я отвечу: она в том, чтобы вести войну на море, на земле и в воздухе и использовать для этого всю нашу мощь и всю нашу силу, которую только может дать нам Господь; вести войну против чудовищной тирании, равной которой нет в мрачном и достойном сожаления перечне человеческих преступлений. Вы спрашиваете, в чем состоит наша цель? Я могу дать ответ одним словом: Победа! Победа любой ценой! Победа, несмотря на весь ужас! Победа, как бы долог и тернист ни был путь к ней, ибо без победы не может быть жизни...»

А Молотов в это время разъяснял депутатам Верховного Совета, что «...не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», и поздравлял посла Шуленбурга с «победами германских армий».

Теперь же, когда товарища Сталина прижало, он стал требовать от англичан второй фронт, и немедленно, и «оттянуть» на себя с советско-германского фронта 30 – 40 дивизий –

это в дополнение к тем 38 дивизиям вермахта, которые дислоцировались во Франции и Бельгии.

Проведение десантной операции такого масштаба требовало гигантских материальных ресурсов, огромного количества транспортных и специальных судов (Англия потеряла уже более 2000 кораблей), завоевания господства на море и в воздухе, подавляющего превосходства в живой силе и технике (в метрополии имелось 39 дивизий, причем британский флот был в состоянии обеспечить переброску лишь шести из них). Гитлер, ввиду нехватки сил и средств, так и не решился на прыжок через Ла-Манш, еще меньше шансов на успех было осенью 1941 года у Черчилля, о чем он прямо заявил советскому послу в Лондоне И.М. Майскому.

После советской победы под Москвой вопрос о втором фронте потерял для Сталина актуальность. Это явствует из его бесед с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом, проведенных в период с 16 по 20 декабря. Последний прибыл в Москву для заключения договора о союзе в войне с Германией и послевоенном сотрудничестве. Сталин же дал ясно понять, что гораздо больше его интересует вопрос о будущих границах СССР. Он настойчиво требовал от Идена признания в договоре границ Советского Союза 1941 года, заявив при этом: «Наши войска могут в близком будущем вновь занять балтийские государства».

Вождь настолько уверовал в прочность своего положения, что в виде уступки за признание Англией западных границ СССР готов был снять требования об открытии второго фронта. Теперь его больше заботило подтверждение западными демократиями территориальных приобретений, полученных в результате сговора с Гитлером (!), в том числе раздела Польши, из-за которой Великобритания, собственно, и ввязалась в эту войну. Иден, ссылаясь на Атлантическую хартию, отказывался давать конкретные обязательства по этому вопросу. «Какая еще хартия?» – возмущались в Кремле. – Ведь всем известно, что «соответствующие территориальные изменения были произведены согласно волеизъявлению населения данных территорий». Вот оно что: английское правительство «стоит за расчленение Советского государства»! А раз так, заявил Сталин, то и договора никакого не будет.

На вопрос Идена об оказании Советским Союзом помощи в войне с Японией Сталин ответил, что СССР к этому еще не готов: «Было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и моральную атмосферу в нашей стране...» Верховный добавил, что «был бы готов возобновить разговоры о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы сами атакуют СССР раньше, тогда позиция сама собой прояснится».

Таким образом, встречая новый, 1942 год, Сталин чувствовал себя способным добить Гитлера и без помощи союзников. Иден уехал из Москвы ни с чем, переговоры не были завершены «ввиду отказа Англии признать западную границу СССР».

СОВЕТСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Свою оценку изменившейся ситуации в войне Сталин претворил в плане общего наступления Красной Армии, который обсуждался в Ставке 5 января 1942 года. Суть плана была изложена им лично в директивном письме от 10 января. В нем указывалось: «Немцы хотят... выиграть время и получить передышку. Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом **полный разгром гитлеровских войск в 1942 году**».

Это решение поддержали все командующие фронтами, при этом все они докладывали о своих грандиозных успехах, просили резервов и обещали кого-нибудь разбить. Главком Юго-Западного направления Тимошенко собирался наступать на Харьков и разгромить 6-ю немецкую армию, Мерецков хотел окружить и уничтожить 18-ю армию Кюхлера, Конев – 9-ю армию Моделя, а Жуков предлагал ликвидировать на Ржевско-Вяземском плацдарме чуть ли не всю группу армий «Центр».

Атмосферу самых радужных надежд, сложившуюся в начале 1942 года в высших военно-политических кругах, прокомментировал генерал-полковник П.И. Белов: «Разгром фашистов под Москвой, успешное преследование отступающих гитлеровцев породили у некоторых военачальников преувеличенное представление о возможностях наших войск и привели к недооценке противника».

В Ставке ослабло критическое отношение к обстановке, многое представлялось в слишком розовом цвете. Усилилось стремление проводить крупные операции, хотя возможности для этого были далеко не всегда.

Разрабатывая гигантские планы, Ставка иногда, как видно, не учитывала реальную действительность».

По-жуковски выражаясь: «... шапка была набекрень у всех тогда».

К середине января Красная Армия девятью фронтами перешла в наступление на 1000-километровом пространстве от Балтийского до Черного моря. «В результате этого наступления, – подтверждает маршал А. М. Василевский, – войска Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов при содействии Балтийского флота должны были разгромить главные силы группы армий «Север» и ликвидировать блокаду Ленинграда; Калининский и Западный фронты во взаимодействии с армиями Северо-Западного и Брянского фронтов обязаны были окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр»; Южный и Юго-Западный фронты имели задачу нанести поражение группе армий «Юг» и освободить Донбасс; Кавказскому фронту совместно с Черноморским флотом предстояло в течение зимы освободить от врага Крым».

Сталин всерьез планировал закончить войну в 1942 году. При этом настолько был уверен в своих силах, что считал возможным принимать гордые позы перед западными союзниками. Так, в связи с вступлением в войну Соединенных Штатов Америки (что делало положение Гитлера практически безнадежным), советский посол в Вашингтоне М.М. Литвинов 20 января запросил Москву: «...не следует ли нам поставить прямо вопрос об оказании прямой военной помощи созданием второго фронта на Европейском континенте?». На что Молотов ответил следующей шифровкой: «Мы приветствовали бы создание второго фронта в Европе нашими союзниками. Но Вы знаете, что мы уже трижды получали отказ на наше предложение о создании второго фронта (*но тогда эту непосильную для нее задачу должна была решать одна Британия; с присоединением США к антигитлеровской коалиции обстановка кардинально изменилась, тем не менее в Кремле изображают оскорбленную невинность*), и мы не хотим нарываться на четвертый отказ. Поэтому Вы не должны ставить вопросы о втором фронте

перед Рузвельтом. Подождем момента, когда, может быть, **сами союзники поставят этот вопрос перед нами**».

Между тем зимнее советское наступление развивалось поначалу довольно успешно. В праздничном приказе № 55 от 23 февраля 1942 года нарком обороны доводил до сведения личного состава батальонов, батарей и эскадрилий:

«Теперь уже нет у немцев того военного превосходства, которое они имели в первые месяцы войны в результате вероломного и внезапного нападения. Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армий, организаторские способности начальствующего состава армии. При этом следует учесть одно обстоятельство: стоило исчезнуть в арсенале немцев моменту внезапности, чтобы немецко-фашистская армия оказалась перед катастрофой.

...Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдерживать напор Красной Армии. Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена».

Об обороне здесь нет ни слова, только «отбросить», «очистить», «освободить».

Однако к концу февраля наступление выдохлось, в марте началась весенняя распутица, которая принесла с собой относительное затишье. Обе противоборствующие стороны исчерпали свои возможности, обстановка на фронтах стабилизировалась. Ни одна из советских операций не достигла поставленных решительных целей, потери Красной Армии за первый квартал 1942 года составили почти 1800 тысяч человек.

Генерал Типпельскирх пишет об этом периоде: «Одной лишь непоколебимой стойкости немецких войск, которая в эту зиму превзошла всякие ожидания, конечно, было бы недостаточно, чтобы сорвать планы русских. Точно так же, как и Гитлер при нападении на Советский Союз, теперь русское командование переоценило свои силы и недооценило силу сопротивления войск противника. Смелый план уничтожить две немецкие группы армий превышал возможности ослабевших русских армий и привел к дроблению сил».

Немцам удалось устоять.

Перед Ставкой ВГК встал закономерный вопрос о плане боевых действий на лето 1942 года. При этом ни у кого не было сомнений, что, получив передышку, Гитлер попытается перехватить стратегическую инициативу.

Согласно официальной советской версии и утверждениям наших хрестоматийных полководцев, Верховное Главнокомандование на этот раз благоразумно решило перейти к стратегической обороне «на заранее подготовленных рубежах», вот только никак не могло определиться с одним вопросом – где ожидать удара противника, в центре или на юге? Одновременно, чтобы «не сидеть сложа руки» и «улучшить оперативное положение войск», предполагалось провести «ряд частных наступательных операций под Ленинградом, в районе Демянска, на смоленском, львовско-курском направлениях, в районе Харькова и в Крыму». Маршал Василевский после войны, «критически оценивая» этот план, самым уязвимым его звеном считал решение «одновременно и обороняться и наступать». Однако при взгляде на карту и не разберешь, на каком же участке советско-германского фронта планировалось «стратегически обороняться» и где находились эти «подготовленные рубежи»? До сегодняшнего дня никто этих оборонительных планов не видел (как и оборонительных планов на 1941 год).

Сталин не зря говорил о «новых больших резервах», которые будут у него весной. Несмотря на почти двухмиллионные потери в ходе зимнего наступления, к апрелю 1942 года численность действующей армии была не только восстановлена, но и выросла на полтора миллиона человек, достигнув 5600 тысяч бойцов и командиров. На десяти фронтах в состав 48 общевойсковых армий и трех оперативных групп входили 293 стрелковые и 34 кавалерийские дивизии, 121 стрелковая и 56 отдельных танковых бригад. В тылу непрерывно формировались и развертывались стратегические резервы.

На полную мощь набирали обороты эвакуированные на Восток предприятия, советская промышленность была полностью переведена на военные рельсы.

Выпуск автоматического оружия и противотанковых ружей в первом полугодии 1942 года возрос по сравнению со вторым полугодием 1941 года почти в 6 раз, минометов – в 3 раза, артиллерии – в 1,8 раза, танков в 2,3 раза. При этом из 11 178 выпущенных за этот период танков более 6000 (50,8%) было средних (4414 «тридцатьчетверок») и тяжелых (1663 «ворошиловых»), не имевших себе равных в мире. К маю в действующей армии насчитывалось 44 900 орудий и минометов (без учета артиллерии Московской зоны обороны, Московского фронта ПВО и 50-мм ротных минометов, которых имелось более 21 тысячи штук), 1720 установок реактивной артиллерии БМ-13 и БМ-8, 4065 танков, 3855 самолетов. И все это – не считая резервов Ставки.

Одновременно подвергалось реорганизации высшее управление войсками: вновь было восстановлено корпусное звено, и с начала года начали формироваться гвардейские стрелковые корпуса, к лету их было уже десять. В это же время создавались гвардейские армии, которые отличались более сильным составом.

Изменениям подверглись и стрелковые дивизии, они стали иметь значительно больше огневых средств, особенно противотанковых. В каждой стрелковой части теперь имелась противотанковая рота. Совершенствовалась артиллерия. Появились армейские зенитно-артиллерийские артполки и дивизии, истребительно-противотанковые полки и бригады фронтового резерва, полки и соединения реактивной артиллерии и артиллерийские дивизии Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК).

Рост выпуска бронетанковой техники позволил решать задачу по воссозданию с учетом накопленного опыта крупных бронетанковых соединений, «этого требовал и характер проводимых советскими войсками операций». Поэтому с марта 1942 года началось формирование первых четырех танковых корпусов, которые имели в своем составе управление, три танковые и одну мотострелковую бригады. По этому штату в корпусе должно было насчитываться 7800 человек, 168 танков (из них 70 легких), 32 орудия (45-мм и 76-мм), 20 зениток (37-мм), 44 миномета (82-мм и 120-мм), в июле к ним добавился гвардейский минометный дивизион, насчитывающий 250 человек и 8 реактивных установок, разведывательный и мотоциклетный батальоны. С мая приступили к созданию таких мощных оперативных соединений, как танковые армии смешанного состава: три танковых корпуса, резервная танковая бригада, одна-две стрелковые дивизии, артиллерийские части.

Кроме танковых корпусов и армий, для непосредственной поддержки пехоты формировались отдельные танковые подразделения и части – батальоны и бригады. Отдельная танковая бригада имела 53 танка и 1038 человек личного состава. Отдельные танковые батальоны создавались двух типов: в составе 29 танков (9 средних и 20 легких) и 36 танков (5 КВ, 11 Т-34, 20 Т-60). На 1 мая 1942 года в танковых войсках имелось уже 25 танковых корпусов и 114 отдельных бригад.

Неуклонно увеличивалось производство самолетов. В феврале ВВС получили 822 машины, в марте – 1352, в апреле – 1423. В мае было принято решение о ликвидации армейской авиации. Одновременно в целях более массированного использования авиации началось

формирование первых восьми воздушных армий из фронтовых и резервных соединений, а также Авиации дальнего действия, подчиненной непосредственно Ставке.

«Все это говорило о создании армии, способной решать крупные боевые задачи... Советские танковые войска, как и вся Красная Армия, готовились к активным боевым действиям», – сообщает «История советских танковых войск». Вот именно! Все это говорит о том, что Сталин не собирался отдавать стратегическую инициативу, более того, он не собирался ждать немецкого удара. Задача оставалась та же: закончить войну в 1942 году.

Никто из советских военачальников в принципе против этого не возражал. Просто каждый командующий хотел, чтобы главный удар наносили именно его войска (это обещало щедрые пополнения, а в случае успеха – славу, чины, ордена), только в этом была суть возникших в Ставке разногласий. Генерал армии Г.К. Жуков предлагал «нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника. Эти удары должны были проводиться силами Западного и Калининского фронтов и частично силами Северо-Западного фронта, а также авиацией ПВО Москвы и других фронтов», что явно тянуло не на частную, а на полномасштабную стратегическую операцию. А маршал С.М. Тимошенко обещал не только отнять у немцев Харьков, но и освободить всю Украину. Военный совет Юго-Западного направления докладывал 22 марта: «Противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов и значительного пополнения людьми и материальной частью не способен предпринять операции с решительной целью... войска Юго-Западного направления в период весенне-летней кампании должны стремиться к достижению **основной стратегической цели – разгромить противостоящие силы противника и выйти на средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев**». Сталин отдал предпочтение предложениям Тимошенко и Хрущева, «ручавшимся головой» за успех и достигшим больших, чем Жуков и Конев, успехов в зимнем наступлении. Но Верховный не складывал все яйца в одну корзину.

Харьковская операция, отнюдь не частная, должна была только положить начало разгрому вермахта. Это подтверждает маршал Москаленко: «...многие из нас предполагали, что Красная Армия уже в состоянии немедленно выбросить захватчиков с советской земли. Предусматриваемая... серия ударов по врагу с целью отеснить его от Днепра была, несомненно, **задумана как начало изгнания оккупантов с территории нашей Родины**».

Одновременно последовала бы операция в Крыму, тоже с весьма решительными целями. Войскам Крымского фронта предстояло соединиться с защитниками Севастополя, разбить 11-ю немецкую армию и очистить Крым от противника. Это открывало путь на юг Украины и позволяло ударить навстречу наступающим к Днепру армиям Тимошенко, окружая всю группу армий «Юг». После этого в наступление должны были перейти войска Брянского фронта на льговско-курском направлении, а потом настала бы очередь Западного и Калининского фронтов ликвидировать ржевско-вяземскую группировку. В завершение – деблокада Ленинграда, выход Карельского фронта на линию государственной границы СССР.

Таким образом, действительный замысел советской Ставки на весенне-летнюю кампанию 1942 года состоял в том, «чтобы последовательно осуществить ряд стратегических операций на разных направлениях, чтобы заставить противника расплыть свои резервы, не дать создать ему сильную группировку для отражения наступления ни в одном из пунктов» (Соколов Б. «Неизвестный Жуков». Мн., 2000. С. 358). Поэтому имевшиеся в распоряжении Ставки девять резервных армий были равномерно распределены по всему фронту.

Сталин и его полководцы думали, что Красная Армия теперь достаточно сильна, чтобы разгромить немцев, которые считались уже неспособными к проведению крупных операций. В этом убеждали и фантастические цифры вражеских потерь, представляемых Разведуправ-

лением Генштаба, не отстававшим в составлении победных реляций от шербаковского Совинформбюро.

Так, к 1 марта потери вермахта на Восточном фронте с начала войны оценивались в 6,5 млн человек – это больше, чем немцы потеряли за весь период борьбы с Советским Союзом. Вообще за шесть лет Второй мировой войны потери германских вооруженных сил **на всех фронтах** составили около 6 924 тысяч человек. А на 1 марта 1942 года потери сухопутных сил на Восточном фронте достигли лишь 1005,6 тысячи, то есть вшестеро меньше, чем считали Сталин и его Генштаб. Собственные потери они преуменьшали в 2 – 3 раза. Соотношение сил члены Ставки преувеличивали в свою пользу и сильно переоценивали «организаторские способности начальствующего состава» Красной Армии, «опытность и прозорливость» ее генералов.

Между прочим, в период активной подготовки к реализации этих грандиозных планов президент Рузвельт поставил-таки сам вопрос об открытии второго фронта в Европе. В апреле он пригласил в США министра иностранных дел Молотова для подписания соответствующего договора. Но Сталин не торопился и успех переговоров ставил в зависимость от соглашения с Англией, которая, связанная обязательствами перед Польшей, по-прежнему отказывается признавать «некоторые пункты» относительно западной границы СССР. Вашингтон, в свою очередь, считал противоречащим принципам Атлантической хартии включение в состав Советского Союза государств Прибалтики. По свидетельству И. М. Майского, в апреле Молотова настойчиво звали и в Лондон для завершения затянувшихся переговоров, но «нарком, однако, ответил, что в настоящее время он не может покинуть Москву... Иден воспринял отказ Молотова довольно болезненно».

У советского руководства были более серьезные дела. 1 мая 1942 года Верховный Главнокомандующий обратился к вооруженным силам с приказом № 130, в котором говорилось:

«Несомненно, прежде всего, что за этот период фашистская Германия и ее армия стали слабее, чем 10 месяцев тому назад... Войне не видно конца, а людские резервы на исходе, нефть на исходе, сырье на исходе. В германском народе все более нарастает сознание неизбежности поражения Германии.

... Что касается немецкой армии, то, несмотря на ее упорство в обороне, она все же стала намного слабее... Ее старые опытные генералы вроде Рейхенау, Браухича, Тодта и других либо убиты Красной Армией, либо разогнаны немецко-фашистской верхушкой. Ее кадровый офицерский состав частью истреблен Красной Армией, частью же разложился в результате грабежей и насилий над гражданским населением. Ее рядовой состав, серьезно ослабленный в ходе операций, получает все меньше пополнений...

Несомненно, во-вторых, что за истекший период Красная Армия стала организованнее и сильнее, чем в начале войны... Красная Армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска... Все это говорит о том, что Красная Армия стала организованнее и сильнее, ее офицерские кадры закалились в боях, а ее генералы стали опытнее и прозорливее.

Приказываю... Всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

До начала Харьковской операции оставалось десять дней. С середины мая должен был начаться отсчет «могучим ударам» по «озверелым врагам» и неудержимое движение советских войск к западным границам СССР. Но, по иронии судьбы, именно май ознаменовал собой начало целой серии катастрофических поражений Красной Армии.

Крупной неудачей обернулась Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов, в Мясном Бору началась агония 2-й ударной армии, войска Крымского фронта почти полностью были уничтожены стремительным контрнаступлением Манштейна. Войска Юго-

Западного фронта, наступая на Харьков, сами залезли в мешок как раз тогда, когда немцы стремились его ликвидировать. Все это создало благоприятные условия для стратегического летнего наступления вермахта на южном направлении.

Пришлось товарищу Молотову срочно собирать чемодан, садиться в стратегический бомбардировщик и лететь на поклон к капиталистическим дядям...

ГЕРМАНСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Поражение под Москвой действительно потрясло Гитлера. Еще бы, стратегия блицкрига потерпела крах, парад на Красной площади откладывался на неопределенное время. Но вождь априори не может ошибаться. Поэтому были определены виновные – «стихийные силы природы» и генералы, «постоянно встравившие» в гениальные планы фюрера.

Генерал-фельдмаршала Браухича пришлось отправить в отставку. Непосредственное руководство сухопутными силами Гитлер взял на себя. «Последствия этого решения, – по мнению Типпельскирха, – оказались губительными для дальнейшего ведения войны и для самой сухопутной армии. Однако в тот момент решение Гитлера было единственно возможным и обещало успех. Он привел армию к Москве, он один обладал силой внушения, необходимой, чтобы воодушевить армию. Он пользовался полным доверием войск. Поэтому его решение вызвало энтузиазм. Даже те представители высшего командования, которые критически относились к его руководству прошедшими операциями, понимали моральное значение этого решения Гитлера».

Первым делом фюрер отдал приказ о запрещении всякого самовольного отхода. Он тоже помнил историю Великой армии Наполеона и больше всего опасался, что войска вермахта, ни материально, ни психологически не подготовленные к боевым действиям в суровых зимних условиях, разочарованные в обещанном им быстром окончании войны, сломаются физически и морально – тогда их будет уже не остановить, отступление превратится в бегство, фронт окончательно рухнет. Позднее фюрер признался маршалу Антонеску, что вооруженные силы находились на краю «наполеоновской катастрофы». В этих условиях «стоп-приказ» Гитлера, с тактической точки зрения примитивный и негибкий (как и сталинский «Ни шагу назад!»), по общему признанию, сыграл положительную роль: Восточный фронт устоял; благодаря жестким мерам фюреру удалось «предотвратить превращение оперативной неудачи в моральное поражение», а немецкий солдат «после всех совершенных им героических усилий, после испытаний, выдержанных в обстановке, противоречащей всяким тактическим принципам, и после успешного отражения натиска противника... проникся верой в самого себя и в превосходство своего командования...»

Одним словом, с кризисом под Москвой Гитлер справился. Его личная репутация как «величайшего полководца всех времен» (все диктаторы – непременно великие полководцы) осталась незапятнанной. Правда, от всех этих хлопот «аккумулятор германского народа» заработал идиосинкразию. «У него физическое отвращение к снегу и морозу», – отметил в своем дневнике доктор Геббельс.

Неудачи в России не проникли глубоко в сознание немцев еще и потому, что с декабря 1941 года начались крупные успехи японцев на Тихоокеанском театре, выдвигаемые на первый план Министерством пропаганды. На радостях Гитлер и Муссолини тоже объявили войну Америке, хотя «Стальной пакт» их к этому и не обязывал. Возможно, фюрер лелеял надежду на то, что японцы в качестве ответного жеста выступят против СССР, но те предпочли отделаться выражениями благодарности. Тем не менее вступление Японии в войну оказало Германии большую психологическую поддержку и имело важное военное значение. Считалось, что Соединенные Штаты теперь надолго будут отвлечены на решение собственных проблем и не смогут оказывать существенной помощи Великобритании и Советскому Союзу, что, в свою очередь, отдаляло решение вопроса об открытии второго фронта в Европе.

Одним словом, немцам казалось, что у них еще есть время для окончательного решения русского вопроса. С другой стороны, решение этого вопроса именно в 1942 году стало насущно необходимым, ибо теперь странам «Оси» и их союзникам противостояли 75% населения, про-

мышленности и сырья всего мира. Гитлер понимал, что это последняя возможность Германии выиграть войну, далее поражение Третьего рейха просчитывалось чисто арифметически.

Поэтому еще в то время, когда немецкие войска из последних сил отбивали наступление русских, фюрер занялся разработкой планов летней кампании. На этот раз было ясно, что для достижения победы над Советским Союзом путем одновременного наступления на трех основных стратегических направлениях сил не хватит. Сводка германской армии от 30 марта 1942 года показывала, насколько дорогой ценой были оплачены зимние бои. Из 162 действовавших на Восточном фронте дивизий только 8 были пригодны для наступательных действий, еще 50 дивизий могли пойти в бой после краткосрочного доукомплектования, основная масса могла использоваться только для оборонительных целей. В 16 танковых дивизиях осталось всего 140 исправных танков.

Провал «молниеносной войны» поставил Германию перед перспективой войны затяжной, требующей колоссальных средств, материальных и людских ресурсов. К такой войне не были подготовлены ни вооруженные силы, ни экономика. Разрыв между постоянно растущими потребностями фронта и ресурсами страны, а также состоянием военного производства все более увеличивался. Ранее установленный уровень выпуска военной продукции не соответствовал масштабам разворачивающихся военных действий и не покрывал расходов вермахта.

10 января 1942 года Гитлер распорядился о перестройке промышленности на военные нужды. Два с половиной года он не решался пойти на этот шаг – производить пушки вместо масла, – стремясь минимизировать в глазах нации тяготы войны. Более того, совсем недавно им было принято решение о сокращении сухопутной армии, производства вооружений и боеприпасов. После Московской битвы и вступления в войну США положение круто изменилось, настало время поделить «тяготы» с народом: «Современный ход тотальной войны, в которой немецкий народ ведет борьбу за свое существование, властно требует использования всех имеющихся сил для вермахта и военного производства». То, что Сталин уже заканчивал, фюрер только начинал. Если летом 1942 года германская промышленность добилась выпуска 500 танков ежемесячно, то советская уже выдавала 2000 машин.

Что касается людских ресурсов, генерал Мюллер-Гиллебранд пишет: «Потери в личном составе оставались столь высокими, что они уже не могли более восполняться. Недостаток бойцов стал тяжелейшей организационной проблемой, которая так и не была решена до конца войны».

Но Гитлер старался убедить себя, что и на этот раз он одолеет судьбу.

Генерал-фельдмаршал Кюхлер, сменивший Лееба на посту командующего группы армий «Север», предлагал первоначально осуществить наступление на северном участке с целью овладения Ленинградом. Гальдер продолжал считать решающим центральное направление и рекомендовал нанести главный удар на Москву. Фюрер рассмотрел все эти предложения и решил начать кампанию большим наступлением на юге, а затем, по мере высвобождения сил, наносить удары и на других направлениях.

28 марта 1942 года в Ставке Гитлера состоялось совещание, на котором был окончательно принят план летнего наступления. Присутствовавший на этом совещании генерал Варлимонт впоследствии писал: «...Гитлер, невзирая на постигшие немцев неудачи, вновь возвратился к своей основной идее, которой он придерживался в декабре 1940-го и летом 1941 года. Он снова хотел сосредоточить основные силы на крайних флангах широко растянутого фронта... **Москва как цель наступления пока совершенно отпадала**».

На севере следовало взять Ленинград, чтобы установить, наконец, связь с финнами по суше. На южном крыле Восточного фронта намечалось нанести противнику сокрушительные удары, захватить индустриальный Донецкий бассейн, нефтеносные районы на Кавказе, пшеничные поля Кубани, овладеть Сталинградом и лишить Советский Союз жизненно необходимых для ведения войны «важнейших военно-экономических центров». Считалось, что в

случае успеха никакая американская помощь не сможет возместить Сталину потерянного. Германия соответственно приобретет источники стратегического сырья для продолжения войны. Заместитель начальника Генерального штаба ОКВ Гюнтер Блюментрит по этому поводу вспоминал: «Промышленно-экономические круги в Германии оказывали сильное давление на военных, доказывая важность продолжения наступательных операций. Они говорили Гитлеру, что не смогут продолжать войну без кавказской нефти и украинской пшеницы». Как видим, альтернатив у фюрера было немного.

Одновременно с решением задачи экономического ослабления СССР следовало нанести ему и максимальное военное поражение, «чтобы окончательно уничтожить оставшиеся в распоряжении Советов силы». На последний момент обращалось особое внимание: «Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения».

В дальнейшем Гитлер предполагал создать на Востоке «Восточный вал» – гигантскую оборонительную линию, чтобы затем повернуть на юг и через Ближний Восток нанести удар по Англии. Геббельс писал, что с Россией дело может дойти до Столетней войны, которая не будет доставлять Германии никаких хлопот. Мысленно фюрер уже устремлялся к Индии и странам Персидского залива, предусмотрительно приказав увеличить производство вооружения и снаряжения для действий в тропиках из расчета на семь дивизий.

В соответствии с принятым решением 5 апреля 1942 года была издана директива «фюрера и Верховного Главнокомандующего силами ОКВ» № 41. Согласно этому документу, основной комплекс операций кампании слагался из ряда последовательных дополнявших друг друга глубоких ударов. Целью первого из них был прорыв на Воронеж, откуда танковые и моторизованные соединения должны были повернуть на юг и, во взаимодействии с войсками, наступающими от Харькова, уничтожить силы Красной Армии между Донцом и Доном. Затем следовало наступление двумя группировками на Сталинград с взятием противника в клещи с северо-запада (вниз по течению Дона) и с юго-запада (вверх по течению Дона). И наконец, поворот на Кавказ – к вожделенной нефти и маячившим на горизонте «индиям». Таким образом, основная задача кампании состояла в завоевании Кавказа с его нефтяными промыслами. Но сначала две группы армий должны были путем глубоких охватов уничтожить главные силы Красной Армии в районе западнее Сталинграда.

Весной 1942 года количество немецких дивизий на Восточном фронте возросло до 183, а на юге – до 68. Для восполнения потерь части получили около миллиона не имевших боевого опыта новобранцев. 31 марта фельдмаршал Кейтель отдал приказ о том, что добровольцы по достижении 17 лет могут призываться в вермахт или войска СС без согласия родителей. Почти все пехотные дивизии группы армий «Юг» были укомплектованы до полного штата. Здесь же сосредоточивались около 50% имевшихся в наличии танковых и моторизованных соединений. Поскольку танковые и моторизованные дивизии предназначались для ведения наступления на решающих направлениях, их боеспособность была доведена до максимального уровня.

В танковых дивизиях танковые полки перешли на трехбатальонную организацию. В каждом батальоне имелось по две роты легких танков и одной роте средних. Эти танковые полки были укомплектованы полностью. Боевую мощь основных танков Т-III и Т-IV значительно увеличило оснащение их длинноствольными пушками. Моторизованная бригада была усилена ротой 20-мм самоходных установок, а дивизионная артиллерия – зенитным дивизионом. Разведывательные батальоны расформировывались, но мотоциклетному батальону придавалась рота разведывательных танков.

Моторизованные дивизии впервые получили в штат один танковый батальон, состоявший из двух рот легких и роты средних танков. Разведбат также был расформирован, а мотоциклетный батальон обзавелся ротой разведывательных танков. Усилилась зенитная артил-

лерия, а в истребительно-противотанковых дивизионах две роты были оснащены русскими «трофеями» – 76,2-мм пушками на самоходных лафетах.

В среднем в танковой дивизии имелось около 130 танков, в моторизованной – свыше 50. Таким образом, танковые дивизии были примерно равноценны дивизиям образца 1941 года, а моторизованные повысили свою боевую мощь.

Пехота получила на вооружение новые 75-мм противотанковые пушки, но, ввиду невосполнимых потерь в автотранспорте, стала менее подвижной. Примерно 30% артиллерии составляли орудия устаревших образцов.

Группы армий «Центр» и «Север», остававшиеся в обороне, пополнялись во «вторую очередь». Невозможность доукомплектовать их личным составом и техникой вынудила сократить здесь штатную организацию пехотных дивизий на одну треть. Танковые дивизии имели только по одному танковому батальону – 60 – 70 машин. Чтобы обеспечить хотя бы 85% первоначальной мобильности группы армий «Юг», все соединения двух других групп пришлось демоторизовать.

Численность самолетов уменьшилась по сравнению с маем 1941 года, а количество боееспособных машин составляло в среднем 50 – 60% от фактического наличия. «После провала «воздушной битвы за Англию», – пишет Мюллер-Гиллебранд, – авиация западных противников Германии смогла сравняться силами с люфтваффе. Германские военно-воздушные силы во все возрастающей степени сковывались обороной имперской территории и участием в боях на других театрах военных действий на Севере и Средиземноморье... Вследствие этого сухопутные силы должны были учитывать, что поддержка их со стороны ВВС и зенитных частей будет уменьшена...»

В целом, по общему мнению (это мнение и самих немцев), в преддверии новой летней кампании германская армия выглядела слабее, чем год назад, ей не удалось восстановить былой боееспособности ни в количественном, ни в качественном отношении. Общий недокомплект личного состава на советско-германском фронте составлял в мае 1942 года 650 тысяч человек, остро ощущалась нехватка офицеров и унтер-офицеров. Если действующая армия на Восточном фронте увеличилась на 29 дивизий, то численность личного состава, по сравнению с июнем 1941 года, уменьшилась на 359 тысяч человек.

Для восполнения людских ресурсов Верховное командование обратилось за помощью к союзникам Германии. Кейтель спешно направился в вояж в Будапешт и Бухарест, чтобы набрать венгерских и румынских солдат. Геринг, а потом и сам Гитлер обратились к Муссолини. Переговоры увенчались успехом, фюрер получил обещания направить на русский фронт дополнительное количество пушечного мяса. Для летнего наступления немцы рассчитывали иметь 52 союзнические дивизии: 27 румынских, 13 венгерских, 9 итальянских, 2 словацких и 1 испанскую. Это составляло четвертую часть объединенных сил держав «Оси» на Востоке. Половина этих соединений должна была усилить южный фланг фронта, где предстояло нанести главный удар. Задача союзников состояла в прикрытии в ходе наступления его северного фланга, глубина которого должна была все более увеличиваться по мере продвижения на восток.

Офицеры и солдаты вермахта относились к союзникам с презрением и не рассчитывали на серьезную помощь с их стороны. Все они разделяли мнение фельдмаршала фон Рундштедта, который заявил: «Румынские офицеры и нижние чины не выдерживают никакой критики; итальянцы просто ужасны, а венгры только и мечтают, как бы поскорее убраться домой». Боееспособность этих войск была ниже боееспособности немецких дивизий, но германскому командованию дорога была любая помощь. Правда, полностью весь обещанный контингент должен был прибыть в Россию лишь к началу осени.

К маю 1942 года, если верить официальной «Истории Второй мировой войны», Германия и ее союзники имели на советско-германском фронте 217 дивизий и 20 бригад – 6198

тысяч человек (цифра явно завышена миллиона на полтора; кроме того, около 300 тысяч человек было задействовано для поддержания порядка на оккупированных территориях), 56 941 орудие и миномет (свои 50-мм минометы мы не считаем, у противника, конечно же, учитываем, хотя в справочниках пишем, что «наши превосходили»), 3229 танков и штурмовых орудий (танков у Красной Армии всегда было больше, поэтому советские маршалы предусмотрительно сообщают, что «значительная часть нашего бронетанкового парка по своим боевым качествам уступала немецким»; мы в ответ можем смело сказать, что значительная часть нашего бронетанкового парка по боевым качествам превосходила абсолютно все, что имели немцы, а вот качество нашего «генеральского парка» – да, оставляло желать...), 3395 боевых самолетов (из них 2815 машин люфтваффе и 580 итальянских, финских и прочих союзников).

Операция «Блау» должна была начаться в июне. До этого с целью создания благоприятных условий предполагалось провести наступательные операции с ограниченной целью – в Крыму и на изюмском направлении. Советское руководство своей самоуверенной стратегией в какой-то мере само облегчило противнику выполнение этой задачи.

«Ржавая и разболтанная» военная машина Гитлера, с ее (опять же по сталинскому определению) «дефективной стратегией» и «шаблонной тактикой», вновь сумела использовать и «момент внезапности», и другие «моменты» и поставить Советский Союз буквально на край гибели. Немецкие солдаты вышли к Волге и поднялись на вершины Кавказа, германский адмирал уже готовился принять командование Каспийской флотилией, а корпус «Ф» совершить бросок на Багдад...

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
Но бог помог...

НА МОСКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Решение Ставки продолжать операцию без паузы имело все признаки того огульного наступления, которое Сталин сам раскритиковал в 1929 году. Он говорил тогда: «...Не бывало и не может быть успешного наступления без перегруппировки сил в ходе самого наступления, без закрепления захваченных позиций и доведения до конца наступления. При огульном продвижении, то есть без соблюдения этих условий, наступление должно неминуемо выдохнуться и провалиться. Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления». Сделавшись Верховным Главнокомандующим, Сталин сам забыл то, чему поучал.

Генерал-полковник П.А. Белов

В соответствии с решением Ставки от 5 января 1942 года, без какой-либо оперативной паузы (чтобы не «дать немцам передышки») началось зимнее наступление Красной Армии. Главной советской военной операцией стало стратегическое наступление на московском направлении с целью полного разгрома германской группы армий «Центр» на Ржевско-Вяземском плацдарме.

Замысел операции заключался в том, чтобы охватывающими ударами войск Калининского фронта из района северо-западнее Ржева на Сычевку, Вязьму и войск левого крыла Западного фронта из района Калуги в направлении Юхнов, Вязьма с одновременным наступлением остальных сил Западного фронта на Сычевку и Гжатск окружить, расчленить и уничтожить основные силы генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге.

С целью содействия Коневу и Жукову в выполнении столь грандиозной задачи Северо-Западный фронт генерал-лейтенанта П.А. Курочкина должен был организовать наступление двумя армиями левого крыла из района Осташкова в направлении Торопец, Велиж, Рудня. Брянский фронт генерал-полковника Я.Т. Черевиченко в полном составе – 61-я, 3-я и 13-я армии – наносил удары на болховском и орловском направлениях с тем, чтобы сковать находившиеся здесь войска противника и тем самым обеспечить с юга наступление войск Западного фронта.

Таким образом, успех операции должны были обеспечить скоординированные действия четырех фронтов – семнадцати армий, в которых насчитывалось полтора миллиона бойцов и командиров. Из них более миллиона человек, сколоченных в 77 стрелковых, 17 кавалерийских и 1 танковую дивизию, 26 стрелковых, 18 танковых и 2 воздушно-десантные бригады, находилось в составе наступавших на главном направлении Калининского и Западного фронтов. Войска пополнялись людьми и техникой.

В своем резерве, с учетом Московской зоны обороны, Ставка ВГК имела еще 14 дивизий и 7 стрелковых бригад, а во внутренних округах продолжалось формирование новых соединений. Кроме того, советское высшее руководство считало, что германские войска, деморализованные поражением под Москвой и плохо подготовленные к боевым действиям в зимних условиях, не смогут оказать достаточно серьезного сопротивления, по крайней мере до тех пор, пока не будут восполнены понесенные ими серьезные потери.

Группа армий «Центр» по-прежнему оставалась самой сильной из германских групп армий. В нее входили 9-я, 4-я, 2-я полевые, 3-я и 4-я танковые армии – всего 49 пехотных, 14 танковых, 8 моторизованных, 3 охранные дивизии и 3 бригады.

Однако эта же группа понесла и наибольшие потери в безуспешной попытке взять Москву. Германские войска были измотаны, утратили значительное количество тяжелого вооружения, танков и другой техники. В начале января 1942 года во многих пехотных бата-

льонах насчитывалось по 90 – 100 человек, в батареях по 1 – 2 орудия, в танковых дивизиях по 10 – 14 танков.

Немцы спешно укрепляли рубежи обороны на реках Лама, Руза, Нара и в тылу, перебрасывали войска и технику на московское направление из Германии и с менее активных участков. Сплошной линии фронта не было. Немецкая оборона представляла собой систему отдельных опорных пунктов, узлов сопротивления и небольших гарнизонов в населенных пунктах, перекрывавших пути возможного движения советских войск и узлы дорог. Подходы к деревням и поселкам прикрывались минными полями. Прочности такой оборонительной системы способствовал глубокий снег, исключавший продвижение по целине крупных соединений и техники.

Перед войсками вермахта ставилась единственная задача: стоять насмерть, любой ценой удерживать треугольник Ржев, Брянск, Смоленск. В директиве командования указывалось: «Недопустимо никакое значительное отступление, так как оно приведет к полной потере тяжелого вооружения и материальной части. Командующие армиями, командиры соединений и все офицеры... должны заставить войска с фанатичным упорством оборонять занимаемые позиции, не обращая внимания на противника, прорвавшегося на флангах и в тыл наших войск. Только такой метод ведения боевых действий позволит выиграть время, которое необходимо, чтобы перебросить подкрепления с родины и с запада».

В начале января Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин написал инструкцию по ведению наступательных действий, в которой постарался в доступной форме разъяснить своему генералитету положения теории глубокой операции и некоторые принципы военного искусства. Это сочинение было оформлено как директивное письмо Ставки от 10 января 1942 года и передано по телеграфу всем фронтам и армиям. В письме командующим «открывались глаза» (они сами так утверждают в своих мемуарах) на довольно тривиальные вещи: прорыв вражеской обороны надо производить мощными ударными группами на узких участках, на их поддержку следует массировать все силы и средства, артиллерия должна непрерывно сопровождать и оказывать содействие наступающим войскам на поле боя.

«Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника, – наставлял «корифей всех наук» своих нерадивых учеников. – А для этого необходимо, чтобы в каждой армии, ставящей себе задачу прорыва обороны противника, была создана ударная группа в виде трех или четырех дивизий, сосредоточенных для удара на определенном участке фронта. В этом первейшая задача командования армии, ибо только таким образом можно обеспечить решительный перевес сил и успех прорыва обороны противника на определенном участке фронта...»

Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину? Для этого требуются, по крайней мере, два условия: во-первых, – нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и, во-вторых, – необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением... Что это значит? Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину. Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения огня, как это имеет место при так называемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки. Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что **до** исторического письма, «принципы которого легли в основу организации и проведения наступательных операций в Великой Отечественной войне», руководящий состав Красной Армии об этих премудростях военной профессии имел весьма смутное представление и все делал с точностью до наоборот. Впрочем, и **после** – тоже.

ТОРОПЕЦКО-ХОЛМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В результате контрнаступления под Москвой войска Калининского и левого крыла Северо-Западного фронтов охватили основные силы группы армий «Центр» с севера, что создавало благоприятные условия для нанесения удара с этого направления в глубокий тыл противника. Согласно указаниям Верховного Главнокомандующего, наступать должны были абсолютно все. Поэтому генерал Курочкин одним крылом своего фронта готовился окружить и разгромить демянскую группировку противника, а левым флангом должен был провести наступательную операцию для содействия армиям генерала Конева.

Замысел операции заключался в том, чтобы силами 3-й и 4-й ударных армий, имевших в своем составе 8 дивизий, 10 бригад, 13 лыжных и 4 танковых батальонов, нанести удары из района Осташкова на Андреаполь, Торопец, Велиж, Рудня, разгромить противника и в дальнейшем, развивая успех в юго-западном направлении и перерезая тыловые коммуникации, обойти с запада ржевско-вяземскую группировку и уничтожить ее во взаимодействии с войсками Калининского и Западного фронтов. Для обеспечения главного удара с севера часть сил 34-й армии должна была атаковать Ватолино.

Ударные армии в Красной Армии начали формировать в ноябре 1941 года. Эти оперативные объединения предназначались для разгрома группировок противника на важнейших направлениях и, по сравнению с обычными общевойсковыми армиями, как правило, имели больше танков и артиллерии. Личный состав ударных армий по своему положению приравнивался к гвардии, получал повышенные денежные оклады, имел право возвращения в свою часть после ранения и другие льготы.

Свежая 3-я ударная армия, которой командовал генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, формировалась в резерве Ставки в конце декабря путем преобразования 60-й резервной. В состав армии входили 23, 33, 257-я стрелковые дивизии, 20, 27, 31, 42, 45, 54-я стрелковые бригады, усиленные двумя артполками РГК, тремя дивизионами гвардейских минометов, двумя танковыми, шестью лыжными, четырьмя саперными, одним инженерным батальоном. Всего в армии насчитывалось: 51 500 человек, 35 танков, 142 орудия, 347 минометов. Войска Пуркаева должны были наступать почти строго на запад, на Холм, с последующим поворотом на Великие Луки.

4-я ударная также была сформирована в декабре на базе 27-й армии и имела в своем составе 249, 332, 334, 358, 360-ю стрелковые дивизии, 21, 39, 48, 51-ю стрелковые бригады, два танковых батальона, два дивизиона РС, два артполка РГК. Армии предстояло наступать на юго-запад, вдоль железной дороги Пенно – Андреаполь – Торопец – Великие Луки с поворотом на юг, перерезая тыловые коммуникации группы армий «Центр». Командармом был назначен бывший командующий Брянским фронтом, специалист по нанесению ударов «перевернутым фронтом», обещавший в сентябре 1941 года разгромить «подлеца Гудериана» и сам месяц спустя разбитый им вдребезги, генерал-полковник А.И. Еременко. Ну да за одного битого двух небитых дают.

Главный артиллерист армии генерал Н.М. Хлебников оставил о Еременко самые хвалебные отзывы: «Слышал о нем как о горячем человеке, инициативном, любившем первым наносить врагу удар, даже если он обладал значительным превосходством в силах и средствах. Неудивительно поэтому, что Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин называл его «драчливым генералом» и часто посылал его в самые горячие места». Однако есть по поводу этого прозвища и другие версии. Андрей Иванович слыл известным мордобойцем, любителем, так сказать, кулачного воспитания подчиненных. Вот, к примеру, жалоба члена Военного совета 13-й армии секретаря ЦК Компартии Белоруссии Ганенко на имя Сталина:

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, я с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штарма для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыл командующий фронтом Еременко с членом Военного совета Мазеповым, при них разыгралась следующая сцена: Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины, на мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил – расстрелять он может, но унижать достоинство коммуниста и депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После этого он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства, несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову. Сев за стол ужинать, Еременко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений».

Да уж, «горячим» и «инициативным» человеком был генерал Еременко. Депутат и секретарь ЦК в этом эпизоде тоже хорош! Помнится мне, генерал Гудериан за резкое слово в свой адрес вызвал на дуэль фельдмаршала Клюге – самому Гитлеру пришлось разнимать. Но в Красной Армии давно искоренили все эти аристократические выкрутасы, все по уставу: дали в морду – можешь жаловаться по инстанции.

Общая численность ударной группировки Северо-Западного фронта составляла 122 100 человек, более 1000 орудий и минометов, 97 танков. По мнению генерала Г.Г. Семёнова: «Дивизии... были сколочены, хорошо управляемы и полностью укомплектованы личным составом и вооружением. Силы по тому времени были немалые». Воздушную поддержку обеспечивали две смешанные авиадивизии ВВС фронта и армейская авиация.

У немцев в районе предстоящих действий проходила разграничительная линия между группами «Север» и «Центр». В районе Демянска размещались пять дивизий 2-го армейского корпуса из состава 16-й армии генерала Буша – против них готовилась отдельная операция; еще три дивизии находились в районе Селижарово. Промежуток между этими двумя группами прикрывали лишь 123-я пехотная дивизия и кавбригада СС. Резервы силою до двух полков были расположены в районе Андреаполь, Величко. На участке от Залесья до Селища, где намечался удар двух советских армий, немцы имели наименьшую плотность сил, а всего на фронте около 100 км они могли противопоставить войскам Пуркаева и Еременко чуть более трех дивизий и 150 орудий.

Широких наступательных действий Красной Армии на этом второстепенном направлении противник не ожидал. Он в принципе считал невозможным действия крупных масс в этом районе. Условия для наступления действительно были очень тяжелыми. Леса, болота с множеством больших и малых озер занимали девять десятых площади. Дорожная сеть была развита очень слабо; даже летом маневрирование здесь войсками было крайне проблематичным делом. А в январе 1942 года среднесуточная температура воздуха достигала минус 35 – 40 градусов, морозы перемежались обильными снегопадами, глубина снежного покрова составляла 70 – 100 см, почти полностью исключая передвижение войск, особенно техники, вне дорог.

Особенно ценными спецподразделениями в таких условиях являлись лыжные батальоны, которых у немцев не было. Однако в силу специфического рассеяско-огульного подхода к их формированию фронтовые командиры с удивлением порой узнавали, что прибывший в их распоряжение батальон лыжников состоит сплошь из чистокровных азиатов, лыж никогда в жизни не видевших. Вот и в 4-й ударной: «...лыжный батальон прибыл без лыж, растеряв их по дороге». На соседнем фронте генерал Ф.И. Голиков тоже получил пять лыжных батальонов, но «ходить и вести бой на лыжах они не умели».

Другой проблемой была косность мышления советского высшего генералитета, стремившегося наступать везде и сразу, что приводило к равномерному распылению сил и средств по всему фронту. Так, командующий 4-й ударной армией предложил прикрыть второстепенные участки небольшими заслонами, а максимум сил и средств, глубоко их эшелонировав, бросить на Пенно – Андреаполь – Торопец. С одной стороны, здесь пролегла единственная большая дорога, к тому же расчищенная противником, с другой – такое построение армии позволяло постоянно наращивать удар за счет выдвигаемых из глубины вторых эшелонов и резервов – Еременко уже имел горький опыт командования фронтом, когда германские ударные группировки легко разрезали его растянутую в нитку оборону.

Однако генерал Курочкин и представитель Ставки Н.А. Булганин раскритиковали план командарма в пух и прах и предложили ему нанести вспомогательный удар в направлении озера Вселуг с целью обеспечить стык с соседом справа и «воспрепятствовать противнику возможность маневра». Удар должна была наносить 360-я стрелковая дивизия, с 51-й стрелковой бригадой во втором эшелоне, с танковым батальоном, тяжелой артиллерией и дивизионом РС – почти четверть наличных сил 4-й ударной армии. Все эти соединения и части направлялись по бездорожью и глубоким снегам в лесные дебри (дебри в прямом смысле слова, поскольку маршрут пролегал через заповедную зону, здесь не имелось даже просек), полностью изолируясь от главных сил. Для связи между правым флангом и центром выделялась 48-я стрелковая бригада с двумя лыжными батальонами. На основное направление Пенно – Андреаполь выдвигались 249-я и 332-я стрелковые дивизии и 39-я бригада, один танковый и три лыжных батальона. Левее действовала 334-я стрелковая дивизия, позади нее уступом влево должна была двигаться 21-я стрелковая бригада, обеспечивавшая стык с соседней 22-й армией Калининского фронта. Столь же равномерно распределялась артиллерия, в результате чего ее плотность не превышала 30 стволов на километр фронта.

Еременко прямо назвал такой подход оперативной «скудостью» командования фронта, а генерал Хлебников счел нужным дать следующие разъяснения: «Теоретически, в принципе, все были согласны с тем, что решительное превосходство над противником, созданное на решающем участке, обеспечивает успех наступления (*в принципе, эту теорему доказал на практике фиванский полководец Эпаминонд в 371 году до нашей эры; слышал ли «государственный и военный деятель» и будущий министр обороны Булганин такую «фамилию»?* – Авт.). Однако на практике, под влиянием разного рода обстоятельств, эта аксиома военного искусства соблюдалась далеко не всегда (*вроде бы знают, что это – аксиома, но нет, надо бы еще «опыт» поставить над собственными войсками.* – Авт.). Поэтому случалось, что хорошо задуманный глубокий удар превращался в ряд фронтальных атак, которые лишь «выталкивали» противника, не приводя к его окружению и уничтожению».

В связи с трудностями сосредоточения войск, которое производилось в сложных погодных условиях в ночное время, начало операции несколько раз откладывалось. Единственная железная дорога с перевозками не справлялась, а в 40 км перед Осташковом была уничтожена немцами. Далее стрелковые подразделения доставлялись на исходные рубежи автотранспортом, лыжные батальоны шли своим ходом. Некоторые части прибыли уже после начала наступления. Еще хуже обстояли дела с материальным обеспечением, особенно с горючим и продовольствием. 8 января в «Журнале боевых действий войск 4-й ударной армии» появилась запись: «В 360-й стрелковой дивизии на 9 января 1942 года продовольствия нет». Такая же запись сделана и в отношении 322-й дивизии. В соседней 3-й ударной положение было еще хуже, так она снабжалась со складов армии Еременко.

На полном серьезе командарм рассказывает, как он «тренировал» войска к боям в суровых условиях: в период сосредоточения полуголодные дивизии «...по трое-четверо суток подряд не заходили в населенные пункты, чтобы приучить личный состав действовать и жить в лесу при низких температурах (!)» – этакая школа выживания. Политработники на тридцати-

градусном морозе читали лекции, внушали бойцам наступательный дух и учили их строить шалаши, «утепляя их еловым лапником». Костры разводить запрещалось. Не мудрено, что после генеральских экспериментов «каждый солдат, от водителя грузовика в тыловой колонне до бойца штурмовой части, мечтал об атаке, как о чем-то самом прекрасном и самом важном в своей жизни».

В общем, по послевоенному признанию маршала Еременко, в материально-техническом отношении его армия к операции оказалась неподготовленной: «В войсках и на складах имелось всего 2,5 боекомплекта боеприпасов, 1 – 1,5 суточной дачи продовольствия и фуража. Бензина на армейских складах не было совсем, и в баках машин оставалось в среднем 0,15 заправки. Тем не менее основные условия для успеха имелись: определенная степень материального обеспечения (см. выше. – Авт.), высокий моральный дух войск (*трое суток ночевавших в сугробах и шалашах тренировки ради.* – Авт.), в целом верно разработанный и доведенный до непосредственных исполнителей план действий».

Утром 9 января армии левого крыла Северо-Западного фронта, не завтракавши, но «с большим подъемом», перешли в общее наступление. В полосе 3-й ударной армии главный удар в центре наносили 33-я и 257-я стрелковые дивизии. Им противостояли подразделения 415-го пехотного полка 123-й дивизии, усиленные охранным батальоном. Из-за низкой плотности артиллерии и плохой разведки полностью подавить огневую систему противника не удалось. Советские соединения, встретив на ряде участков организованное сопротивление, ввязались во фронтальные затяжные бои с мелкими гарнизонами. Вместо того чтобы использовать незанятые промежутки для обхода опорных пунктов врага, дивизии штурмовали их непрерывными лобовыми атаками. В результате за день войска продвинулись вперед всего на 4 – 5 км. Генерал Пуркаев, не удовлетворенный темпами наступления, подгонял своих комдивов привычными большевицкими методами. «...Слушайте задачу... Генерал Пуркаев назвал рубеж, на который должны выйти части нашей дивизии завтра к вечеру. Передайте товарищам Макарьеву (*комдив-33*) и Лыткину (*комиссар*), – добавил командарм, – что за невыполнение задачи они пойдут под суд военного трибунала».

Лишь 12 января 3-я ударная армия прорвала тактическую оборону противника, углубившись в его расположение на 20 – 25 км. Немцы во всей полосе начали отход в юго-западном направлении. Отсутствие дорог, глубокий снег замедляли продвижение советских войск, особенно артиллерии и танков, усложняли работу тылов. Тем не менее темп наступления вырос. Ударные 33-я и 257-я дивизии 14 января вышли на дорогу Молвотицы – Холм, которую немцы поддерживали в хорошем состоянии, и через двое суток, почти не встречая организованного сопротивления, достигли рубежа Красный Клин, озеро Волкота, в 20 – 25 км восточнее Холма. Правда, к этому времени из-за отсутствия горючего отстали 146-й танковый батальон, 106-й дивизион РС и артполки усиления. Ухудшилось положение с подвозом продовольствия и боеприпасов. На правом фланге удалось пройти до 40 км, затем советские соединения втянулись здесь в затяжные бои за укрепленные пункты Ватолино и Молвотицы.

К исходу 16 января войска генерала Пуркаева растянулись по фронту на 100 км и продолжали наступать широким веером, штурмуя каждый населенный пункт. В этот день командование Северо-Западного фронта закрепило эту порочную систему своими новыми вводными. Правым крылом 3-я ударная армия должна была овладеть Ватолино и Молвотицами, поскольку сосед справа, 34-я армия успеха не добилась. Для решения этой «стратегически важной» задачи выделялась почти половина стрелковых соединений – 23-я стрелковая дивизия, 20, 27, и 42-я бригады. В центре – подвижными отрядами 33-й стрелковой дивизии полковника А.К. Макарьева занять 19 января город Холм. Левофланговым 257-й стрелковой дивизии и 31-й бригаде предстояло наступать в сторону Великих Лук. В итоге фронт армии расширялся еще больше, ее силы дробились на три части, каждая из которых действовала на самостоятель-

ных направлениях, не имея никакой связи друг с другом. Аналогично в целом 3-я ударная армия проводила свои операции безотносительно соседней с ней армией Еременко, с которой не имела ни локтевой, ни какой-либо иной связи.

Генерал Пуркаев с собственными дивизиями общался с помощью бороздивших снег на санях посыльных. По этой причине 33-я стрелковая дивизия, находившаяся в 30 км от Холма, лишь днем 18 января получила приказ, из которого комдив узнал, что уже должен вести бои за город и 19-го полностью овладеть им. По данным разведки, немцы имели на подступах к городу и в гарнизоне Холма около 1500 солдат и офицеров.

Выполняя поставленную задачу, полки Макарьева совершили ночной марш-бросок и утром вступили в бои на подступах к городу, являвшемуся важным узлом дорог. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление и впервые за все время советского наступления применили на этом направлении бомбардировочную авиацию для поддержки своих частей. 21 января советская пехота захватила западную часть Холма, но, остановленная сильным огнем с восточного берега, через реку Ловать переправиться не смогла. К этому времени немцы подтянули к городу части 218-й пехотной дивизии, переброшенной на самолетах из Дании.

Таким образом, к исходу 21 января все войска 3-й ударной армии были втянуты в сражение. На демянском направлении 23-я стрелковая дивизия и три бригады безуспешно топтались у Ватолино и Молвотиц. В центре 33-я дивизия вела бои за Холм. На левом фланге 257-я стрелковая дивизия и 31-я бригада достигли района Снопово, Шешурино.

У генерала Еременко дела шли несколько веселее. Против правого фланга 4-й ударной армии противник имел два полка 123-й пехотной дивизии, в центре – кавалерийскую бригаду СС и отдельные разведотряды, на левом фланге – 453-й полк 253-й пехотной дивизии. Армия Еременко действовала более решительно, двухчасовая артподготовка была проведена эффективно. После чего стрелковые части прорвали оборону противника и к исходу дня, пройдя почти 20 км, вышли к Пенно. На подступах к городу, не имея поддержки своей отставшей артиллерии, они были остановлены сильным огнем. За ночь части 249-й стрелковой дивизии генерал-майора Г.Ф. Тарасова обошли город, подтянулись гаубицы, «катюши», 141-й танковый батальон – 31 танк (4 КВ, 7 Т-34, 20 Т-60). Появились и запоздавшие к началу операции пять лыжных батальонов. Правда, «...лыжники были утомлены трудным двухсуточным маршем без продовольствия». С рассветом Пено взяли одним ударом, а его гарнизон почти полностью уничтожили.

Избегая лобовых ударов, обходя опорные пункты, ударная группировка армии Еременко продвигалась вдоль железной дороги на Андреаполь, Торопец. 332-я стрелковая дивизия имени М.В. Фрунзе под командованием полковника С.А. Князькова вскоре повернула на юг, к станции Западная Двина, расположенной на другой, почти параллельной первой, железной дороге. 249-я дивизия наступала в прежнем направлении. Активную помощь войскам оказывали партизаны. Они разрушали рокадные дороги в тылу у немцев, прикрывали фланги отдельных частей, а также выполняли роль передовых отрядов.

С 13 по 15 января бои велись в районе Величко, Лучи, станции Охват. Германское командование, обеспокоенное быстрым продвижением 4-й ударной армии, попыталось остановить ее, введя в бой свежие силы. Прорыв должна была закрыть прибывшая из Франции 81-я пехотная дивизия. Однако на этот раз сами немцы сработали поспешно и неграмотно: дивизия вводилась в бой с ходу, по частям, на широком фронте, что заранее предопределило ее поражение. Кроме того, и командование 81-й пехотной дивизии, и все ее солдаты и офицеры, оказавшись в условиях, столь резко отличных от Западного театра военных действий, притом без зимнего обмундирования, «растеряли многие качества, которые в сумме своей определяют боеспособность войск». В первых же столкновениях ее 189-й полк и два отдельных батальона были разбиты частями 249-й и 332-й стрелковых дивизий.

В ночь на 15 января дивизия Тарасова вышла к Адрианополю, окружив его с трех сторон. Утром к городу подтянулись артиллерия и танки. После полуторачасовой артподготовки советские части начали атаку. Германский гарнизон состоял из пехотного полка, саперного батальона и батальона связи 81-й пехотной дивизии, а также отдельных подразделений 253-й дивизии. Немцы в течение двух дней оказывали упорное сопротивление, но к исходу 16 января были разгромлены. В Адрианополе была захвачена крупная база снабжения группы армий «Север», склады с продовольствием и фуражом.

Таким образом, наступление главных сил 4-й ударной армии развивалось успешно. 249-я стрелковая дивизия в хорошем темпе продвигалась к Торопцу, 332-я – к станции Западная Двина. Этого, правда, нельзя было сказать о фланговых группировках.

Правофланговая 360-я стрелковая дивизия генерала И.М. Кузнецова, направленная «прорываться» через леса и болота, этим и занималась, полностью потеряв взаимодействие с главными силами. Во втором эшелоне за ней следовала 51-я стрелковая бригада полковника Н.А.Федорова. Сопровождавшие их 171-й танковый батальон, на две трети укомплектованный английскими «матильдами» и «валентайнами» и не имевший ни одной широкогусеничной «тридцатьчетверки», гаубичный и гвардейский минометный дивизионы не смогли преодолеть снежных заносов, быстро израсходовали горючее и встали. Позднее их перебросили на направление главного удара, а пехота по пояс в снегу продолжала выполнять указания товарища Булганина: двигалась вперед, прокладывая дорогу в сплошном лесу, валяя вручную дровья, утаптывая снег и перетаскивая на себе боевую технику. Чтобы проложить пути для двух маршевых колонн, приходилось рубить до 1000 деревьев на 1 км. По таким «путям», естественно, невозможно было организовать нормальный подвоз продовольствия. Его и не организовывали, и «наши части... терпя лишения, шли вперед и снабжались теми запасами, которые удавалось отбить у противника». Противника в этой глуши было совсем немного, запасов – тоже. Этот беспримерный марш имел глубокое оперативно-тактическое обоснование, он «... в случае неудачи на центральном направлении обеспечивал общий успех прорыва (!?), выводя крупные силы (?) в глубокий тыл оборонительной полосы гитлеровцев».

На левом крыле 334-я дивизия генерала Н.М. Мищенко и 21-я стрелковая бригада ввязались в затяжные бои и сильно отстали. Кроме того, немцы непрерывно атаковали их во фланг из района Селижарово. Еременко также признает, что: «Объективные трудности действий на этом участке усугублялись тем, что командование дивизии не могло отрешиться от стремления брать опорные пункты в лоб без тщательной разведки и надлежащей организации боя». Еще левее 22-я армия вела бои с селижаровской группировкой противника. 4-я ударная прошла 70 км и вырвалась вперед, все больше сил выделяя на обеспечение своих флангов, – в сражение была введена 358-я стрелковая дивизия из резерва командарма.

Следующей целью стал Торопец. Город, где размещалась вторая крупная база снабжения группы армий «Север», обороняли части 253-й пехотной дивизии, полевой жандармерии и полиции, полк ПТО – всего около 2500 человек. Генерал Тарасов получил специальный приказ: вести свои полки лесами и скрытно подойти к городу, чтобы внезапно ворваться в район товарной станции, захватить продовольственные склады и удерживать их любой ценой. Как пишет Еременко: «Для нас в то время продовольствие имело первостепенное значение. Снабжение на Северо-Западном фронте было организовано плохо. В этих условиях возможность получить продовольствие... являлась для армии просто кладом. И мы не выпустили этот клад из наших рук». Еременко вел свою голодную армию к Торопцу, прямо как генерал Бонапарт своих оборванцев в цветущую Италию.

С утра 20 января части 249-й стрелковой дивизии внезапно для противника ворвались в город, и ее 917-й полк к 14 часам овладел товарной станцией, депо и складами. Опомнившись, немцы контратаками выбили русских со станции, но склады наш героический полк не отдал! Взять город с ходу, правда, не удалось. Войска 4-й ударной произвели перегруппировку сил. Из

тыла подошли 48-я и 39-я стрелковые бригады. Объявилась наконец 360-я стрелковая дивизия; она, преодолев за двенадцать дней 135 км, вышла из лесов и болот с большими потерями в технике, почти без артиллерии и боеприпасов, и заняла позиции северо-западнее Торопца. Одновременно специальный отряд лыжников был выслан для захвата станции Старая Торопа с тем, чтобы перерезать железную дорогу Великие Луки – Торопец и перехватить пути отхода противника на юго-запад и на юг.

21 января, после двухдневных боев, Торопец был освобожден. В качестве трофеев советским войскам достались 720 автомашин (штаб армии оснастился немецкими мотоциклами и вездеходами), 450 тысяч снарядов, большие склады горюче-смазочных материалов, до 40 складов с продовольствием. Еременко неоднократно указывает, что последнее обстоятельство для его войск было «самым главным»: «Эти продовольственные склады мы превратили в свои армейские. Их запасами армия питалась в течение месяца... Нас выручало лишь то, что мы захватили большие продовольственные и другие склады противника и по-хозяйски их расходовали... Можно прямо сказать, что материальное обеспечение армии, особенно продовольствием, а частично и горючим и даже боеприпасами, производилось за счет противника».

334-я дивизия полковника Мищенко вела в это время упорные бои на подступах к поселку и железнодорожной станции Нелидово, стимулом ее бойцам служило донесение разведки об обнаружении на станции эшелонов с продовольствием.

Под Торопцом впервые довольно активно действовала германская авиация; 20 января во время проведения рекогносцировки перед штурмом генерал Еременко получил здесь от немецкого пилота пулю, перебившую голень правой ноги. Командарма пришлось отправить на командный пункт. В госпиталь он ехать отказался и продолжал управлять войсками с носилок, о чем сам скромно рассказывает: «В течение 23 дней, то есть до полного выполнения задачи, поставленной Ставкой, мне пришлось командовать войсками с носилок, с перебитой ногой, положенной в гипс. Эти 23 дня стоили, наверняка, нескольких лет жизни. Кроме физических страданий, я и морально пережил немало, прежде всего потому, что из-за своей неподвижности не мог бывать в войсках (*«не мог бить в морду командиров соединений»?* – Авт.)... Однако должен сказать, что эти невзгоды и переживания не сломили моей воли, я стремился твердо и уверенно руководить войсками».

К 21 января 4-я ударная армия на направлении главного удара продвинулась на 140 – 150 км и заняла рубеж Старая Торопа, Западная Двина, перерезав железную дорогу Великие Луки – Ржев, являвшуюся важной коммуникацией ржевской и оленинской группировок противника.

Таким образом, в ходе двухнедельных боев войска левого крыла Северо-Западного фронта, глубоко вклинившись в немецкую оборону на стыке групп армий «Север» и «Центр», нарушили оперативное взаимодействие между ними и обошли с запада ржевско-вяземскую группировку.

В связи с тем, что фронт генерала Курочкина вел наступление на двух расходящихся направлениях, а его южная ударная группировка решала общие с Калининским фронтом задачи, Ставка 22 января передала обе ударные армии в подчинение генералу Коневу. Новый командующий потребовал более энергичного наступления с тем, чтобы выйти в глубокий тыл и перерезать коммуникации группы армий «Центр», не дать войскам Клюге отойти на тыловые оборонительные рубежи и создать условия для уничтожения всей германской группировки. Задача 3-й ударной армии фактически оставалась прежней – взять Холм, овладеть Великими Луками и продвигаться на Витебск. Правофланговые части по-прежнему бились за Ватолино, Молволицы.

Соединения генерала Пуркаева за третью декаду продвинулись в юго-западном направлении еще на 120 км и к 30 января подошли к Великим Лукам, разгромив по дороге 323-й пехотный полк 218-й дивизии. Однако в дальнейшем 257-я стрелковая дивизия полковника

А.А. Дьяконова и 31-я стрелковая бригада натолкнулись на ожесточенное сопротивление противника. Немцы имели в районе Великих Лук свежую 83-ю пехотную дивизию, части 403-й охранной дивизии и несколько отдельных частей под общим руководством штаба 59-го армейского корпуса. В начале февраля сюда дополнительно были переброшены 330-я и 205-я пехотные дивизии.

Понеся значительные потери, войска левого фланга 3-й ударной армии остановились и в первых числах февраля перешли к обороне.

33-я стрелковая дивизия в течение десяти суток вела бои за Холм. 23 января в помощь к ней прибыл 146-й танковый батальон, имевший в своем составе две «тридцатьчетверки» и 11 танков Т-60, а также три установки РС. Дивизия, несмотря на нехватку боеприпасов и ощутимые потери в людях, продолжала штурмовать восточную часть Холма и одновременно отражала атаки 386-го полка 218-й германской пехотной дивизии, рвавшегося на помощь гарнизону. 27 января немцы обошли город с севера и отбили его западную часть. Дальнейшее их продвижение удалось остановить только 31 января в 10 – 15 км юго-западнее Холма с помощью подошедшей из второго эшелона 45-й стрелковой бригады. К этому времени дивизия Макарьева из-за понесенных потерь не в состоянии была вести активные боевые действия; в полках оставалось по 200 – 300 человек. Поэтому 1 февраля советские войска и на холмском направлении перешли к обороне.

Армия Пуркаева растянулась по фронту более чем на 200 км и исчерпала свои наступательные возможности.

4-я ударная армия должна была наступать в общем направлении на Велиж, Рудню.

Наступление продолжалось без всякой паузы. Дивизии не успели восполнить понесенные потери, сильно растянулись тыловые коммуникации. Это вместе с нехваткой транспорта, бездорожьем и продолжавшимися снегопадами весьма отрицательно сказывалось на снабжении войск. От Конева армия не получила ничего, кроме указаний.

«Нам предстояло преодолеть оборону противника, состоящую из опорных пунктов, – вспоминает генерал Хлебников. – Они перекрывали те немногие дороги, которые оставались еще проходимыми. При глубоком снежном покрове обойти такой опорный пункт сколь-нибудь значительными силами было очень трудно, так как артиллерия тотчас застревала в сугробах, а части, совершившие обход, лишались регулярного снабжения и практически превращались в легкие рейдовые группы. Конечно же, такими силами, лишенными артиллерийской поддержки, с ограниченным запасом продовольствия, фуража и боеприпасов, редко удавалось выполнить серьезную боевую задачу. Вот почему, начав наступление, мы были вынуждены ввязываться в бои за опорные пункты, терять время и силы, чтобы выбить эти пробки, мешавшие нам двигаться по дорогам».

Командиры советских частей упорно сражались за отдельные деревни не потому, что все они были совсем уж профанами в военном деле. В зимнюю стужу населенные пункты, по выражению Еременко, обладали «притягательной силой». Наночевавшись за две недели боев (не считая «тренировок») в снегу или «утепленных» шалашах, войскам хотелось получить хоть краткую передышку, хоть какой-то человеческий отдых. При этом надеялись, что удастся удар с ходу. Когда этого не получалось, ввязывались в затяжные бои. В результате штурм села Ильино занял двое суток, Кресты – трое. Это позволило германскому командованию выиграть время, перебросить резервы и сильно укрепить Велиж. Под этим городом завязались ожесточенные, продолжительные бои.

На левом фланге армии 334-я дивизия полковника Мищенко утром 25 января при содействии партизан овладела Нелидовом. 332-я стрелковая дивизия, блокировав город Демидов, продвинулась в район Рудни, но взять этот населенный пункт и перерезать железную дорогу Смоленск – Витебск ей не удалось.

Главную роль в наступлении на Велиж, Рудню играли 360-я и 358-я стрелковые дивизии. Дивизия генерала Тарасова, обойдя 29 января стороной Велиж, а затем и Сураж, вырвалась далеко вперед и 3 февраля вышла на подступы к Витебску. Чтобы избежать бомбардировок вражеской авиации, дивизия продвигалась по ночам. На специально приспособленных санях везли с собой десять 45-мм пушек и восемь 82-мм минометов. Этими средствами и ограничивалась огневая поддержка стрелковых полков. Вся полковая и дивизионная артиллерия, а также 141-й танковый батальон остались далеко в тылу, застряв на занесенных снегом дорогах.

Отсутствие артиллерии и танков не позволило успешно завершить дерзкий бросок. На подступах к Витебску, у села Тетерки, две пехотные дивизии противника со всей своей артиллерией предприняли ряд ожесточенных контратак. Связи со штабом 4-й ударной армии генерал Тарасов не имел, поэтому принял решение отступить. 249-я стрелковая дивизия, в которой оставалось 1400 штыков, отошла к Велижу, где включилась в бои, которые вели за этот город главные силы армии.

В первых числах декабря, выйдя на рубеж Усвяты, Велиж, Демидов, 4-я ударная армия дальше продвинуться не смогла, хотя общая численность германских войск на этом рубеже оценивалась не более 7000 человек. Сопrotивление противника все усиливалось, и выбить его из Велижа и Демидова не удалось, несмотря на неоднократные попытки. Армия прошла дорогами наступления свыше 250 км, части нуждались в отдыхе и пополнении. Из-за снежных заносов и отсутствия горючего далеко в тылу остались танки, тяжелая артиллерия и трофейные склады. Соседи справа и слева отставали на 100 км. Большие потери были понесены в технике, в основном по причине поломок на бездорожье. Резервов тоже не было. Поэтому все усилия войск ощутимых результатов не давали.

Против 3-й и 4-й ударных армий немцы выдвинули в январе-феврале дополнительно свежие четыре пехотные дивизии, прибывшие из Западной Европы, и к началу февраля остановили их продвижение. Растянувшиеся на фронте около 300 км советские войска не смогли преодолеть возросшее сопротивление противника и перешли к обороне на достигнутых рубежах. Бои за Холм и Велиж систематически возобновлялись до конца мая, но каждый раз безуспешно.

В ходе Торопецко-Холмской операции было нарушено взаимодействие между группами армий «Север» и «Центр», войска ударных армий вклинились на глубину до 250 км, освободили от оккупантов территорию площадью более 12 тысяч кв.км с большим количеством населенных пунктов, прервав при этом ряд коммуникаций, создав угрозу важным для противника железнодорожным магистралям и дорогам в районе Витебск, Орша, Смоленск и тылам его гжатско-вяземской группировки.

Можно сказать, что в целом войска Пуркаева и Еременко поставленные задачи выполнили. Более того, в свете дальнейших событий эту операцию можно признать одним из самых успешных наступлений Красной Армии в первой половине 1942 года. Потери обеих ударных армий были сравнительно невелики и на 6 февраля составили около 30 тысяч человек. Однако прорыв, совершенный на большом удалении от района Вязьмы, где происходили главные события, не смог решающим образом повлиять на оперативно-стратегическую обстановку в центре советско-германского фронта.

ПОД РЖЕВОМ И ВЯЗЬМОЙ

В полосах Калининского и Западного фронтов между Селижаровом и Жиздрой с немецкой стороны в первом эшелоне оборонялись десять армейских корпусов (23, 6, 27, 5, 9, 7, 20, 12, 13 и 43-й) и пять моторизованных (41, 56, 46, 57 и 40-й) общей численностью 38 пехотных, 2 охранные, 9 танковых и 5 моторизованных дивизий, входивших в состав 9-й и 4-й полевых, 3-й и 4-й танковых армий. Из резервов на этом направлении у фон Клюге имелись корпусные части 9-го армейского корпуса в районе Можайска; 339-я и 208-я пехотные дивизии, перебрасываемые в район Вязьмы, и части 216-й пехотной дивизии северо-восточнее Спас-Деменска. Итого: 57 расчетных дивизий и примерно 440 танков. В среднем на одну дивизию приходилось 10 км фронта.

Германская авиация на западном направлении была представлена оперативной группой «Восток», насчитывавшей 615 боевых самолетов, в том числе 236 бомбардировщиков, 284 истребителя, 95 разведчиков.

Калининский фронт имел в своем составе 22-ю, 39-ю, 29-ю, 31-ю, 30-ю армии и 11-й кавалерийский корпус – 32 стрелковых и 5 кавалерийских дивизий, 4 танковых бригады, 12 артполков РКК – 346 100 человек.

Фронтом командовал генерал-полковник И.С. Конев, бывший унтер-офицер царской армии и комиссар Гражданской войны, выросший в советское время в крупного военачальника. Большой личной храбрости человек, он, по свидетельству сослуживцев, «дипломатией заниматься, прямо сказать, не умел». По отношению к подчиненным это выражалось в насаждении в буквальном смысле слова палочной дисциплины. То есть у Конева была особая палка, которой он лупил провинившихся. «Когда я ему сказал об этом, – вспоминал маршал А.Е. Голованов, – он ответил: «Да я лучше морду ему набью, чем под трибунал отдавать, а там расстреляют!»

Еще один отзыв: «Сам Конев был, безусловно, одаренным военным, этого у него не отнимешь, хотя те люди, которые служили под его началом, утверждали, что людей он не жалел, при выполнении задачи шел на любые жертвы. Крут бывал нередко...»

В состав Западного фронта, занимавшего полосу более 500 км, входили 1-я ударная, 20-я, 16-я, 5-я, 33-я, 43-я, 49-я, 50-я, 10-я армии, 1-й и 2-й гвардейские кавкорпуса – всего 45 стрелковых, 12 кавалерийских, 1 танковая дивизия, 26 стрелковых, 2 воздушно-десантные и 14 танковых бригад – 713 100 бойцов и командиров.

Во главе фронта стоял «величайший» советский полководец-самородок с двухклассным образованием, генерал армии Г.К. Жуков, воспетый самим собой и многочисленными писателями и режиссерами. В отличие от гуманиста Конева, Георгий Константинович, не моргнув глазом, мог и в морду дать, и под трибунал отправить, а то и приказать организовать расстрел на месте. Даже «драчливый генерал» Еременко считал Жукова «узурпатором и грубияном» (!): «Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист...» Знаменитый летчик Г.Ф. Байдуков охарактеризовал Жукова одним словом – «зверюга». Из примеров жуковского самодурства, стремления раздавить и унижить нижестоящего можно составить книгу, не меньшую по объему, чем канонизированные «Воспоминания и размышления». Может, для кого-то все это является подтверждением его полководческих талантов, хотя у меня интеллектуальные способности (о морали не стоит заикаться, мораль отменили в 1917 году – это одно из «завоеваний Октября») человека, обладающего безграничной властью над жизнями сотен тысяч людей и опускающегося при этом до примитивного рукоприкладства, вызывают сомнения. В 1945 году у маршала прорезался еще и «талант» барахольщика.

Под статью командующему Западным фронтом был его заместитель генерал Г.Ф. Захаров – «...преданный Советскому государству и Коммунистической партии воин, но очень не сдержан на руку». О нем вспомнил в своих мемуарах генерал П.А. Белов: «Генерал Захаров прибыл с поручением побудить нас скорее выполнить задачу. Присутствие его создавало нервную обстановку. Он щедро расточал угрозы, прибежал к самым крутым мерам... Одним из первых на глаза Захарову попался майор Кононенко (*начальник разведки*). Ни с того ни с сего генерал обвинил его в том, что корпус не имеет хороших дорог для движения автомашин. Кононенко, как говорится, едва унес ноги и ушел в прорыв вместе с генералом Осликовским. Вообще командиры стремились избегать встреч с Захаровым».

Как видим, свои начальники были пострашнее немцев. Недаром Сталин как-то выразился в том смысле, что у нас нужно больше смелости, чтобы отступить, нежели пойти в атаку.

Советские военачальники жалуются на то, что укомплектованность частей и соединений была недостаточной для проведения новой наступательной операции. Средняя численность стрелковых дивизий Калининского и Западного фронтов в этот период колебалась в пределах 3 – 5 тысяч человек. Однако количество самих дивизий увеличилось, а личный состав в них на 50% состоял из новых пополнений. Так, к началу контрнаступления под Москвой у Конева и Жукова имелась 941 тысяча командиров и красноармейцев, потери за месяц боев составили 371 тысячу убитыми и ранеными. Тем не менее на 8 января в строю находилось 1060 тысяч человек, а согласно «Истории Второй мировой войны» и того больше – 1245 тысяч.

Труднее было восполнить потери в технике: имелось всего 8700 орудий и минометов и 571 танк. Настоящей же проблемой была практически полная дезорганизация работы тыла. За месяц контрнаступления сильно растянулись коммуникации, доставало автотранспорта, немцы при отступлении взорвали мосты и вывели из строя железнодорожные колеи, пригодные для движения дороги можно было сосчитать на пальцах. В результате войска испытывали острую нехватку в боеприпасах, продовольствии и горючем.

ВВС двух фронтов на 1 января имели 331 исправный самолет, в том числе 218 бомбардировщиков, 18 штурмовиков, 95 истребителей. Кроме того, на западном направлении действовали: авиация Московского военного округа и 6-й истребительный авиакорпус ПВО, авиационные группы генералов И.Ф. Петрова и Е.М. Николаенко, соединения дальнебомбардировочной авиации Главного Командования, а также авиация резерва Ставки ВГК – всего 1375 боеготовых самолетов. Если учитывать авиацию Северо-Западного фронта – 1422 самолета.

Это, оказывается, значительно меньше, чем 615 германских машин! Любопытную бухгалтерию с целью доказать германское превосходство в авиации применил коллектив генералов-историков под руководством маршала В.Д. Соколовского: «По общему количеству самолетов советские ВВС на всем западном направлении превосходили авиацию противника, но только формально, ибо по мере удаления наступающих войск от Москвы количество истребительной авиации (в частности самолетов 6-го истребительного корпуса ПВО Москвы) для прикрытия войск быстро уменьшалось. Поэтому фронты в дальнейшем могли в основном рассчитывать лишь на свои собственные ВВС. Силы же эти, особенно по истребителям, были весьма невелики и уступали количественно и качественно противнику... Если вычесть из общего количества 1422 самолетов 320 истребителей ПВО Москвы и 548 небоевых машин, то для поддержки фронтов оставалось всего 554 боевые единицы. Таким образом, противник даже и по числу самолетов превосходил авиацию Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов (!!!)».

Вот так, «формально» наших самолетов было больше, а «неформально» – 284 немецких истребителя «превосходили» 543 советских.

Странно только, что вся **наличная** авиация группы «Восток» сравнивается с **исправными** советскими самолетами: надо понимать, у немцев самолеты не ломались и не получали

боевых повреждений? Далее, советские ночные бомбардировщики У-2 (за сбитие которых давался Железный крест, чем мы очень гордились) и разведчики Р-5 считаются «небоевыми машинами», а 95 германских воздушных разведчиков – самые что ни на есть «боевые». Кроме того, при всех подсчетах совершенно не учитывается армейская авиация, по принципу: у немцев ее не было, значит, и сравнивать не с чем. А между тем каждый советский командарм имел собственные авиаполки, которым сам ставил задачи.

По уставу командующий фронтом не имел права использовать авиацию общевойсковых армий в интересах фронта. Армейская авиация по количеству машин зачастую превосходила фронтовую. Например, на 1 января 1942 года ВВС Северо-Западного фронта насчитывали 77 исправных самолетов, а в одной только 4-й ударной армии этого же фронта было 60 машин (в том числе 38 истребителей), из них 53 исправных.

В общем, наши ученые успешно доказали: «С учетом же качественного превосходства материальной части немецких самолетов и того, что советские бомбардировщики устаревших типов могли выполнять боевые задачи только ночью (*между прочим, именно перенимая советский опыт, немцы с опозданием создавали в это время свою ночную авиацию.* – Авт.), общее превосходство врага становилось еще более внушительным, фактически **противник превосходил нашу авиацию примерно в два раза**». Действительно, чтобы освоить такую «высшую математику», надо непременно быть генералом и кандидатом наук, никак не меньше.

Но подавляющего количественного превосходства над армиями Клюге и правда не было, что уменьшало шансы на успех «красных маршалов», не усвоивших «аксиомы» военного искусства (об аксиомах, которые «не соблюдались», неоднократно упоминает и маршал Рокоссовский).

Наступление войск Калининского фронта началось 8 января 1942 года. Замысел проводимой им операции состоял в том, чтобы вначале прорвать оборону противника ударом 39-й армии генерал-лейтенанта И.И. Масленникова западнее Ржева, а затем, развивая успех главной группировкой фронта в направлении Сычевка, Вязьма, лишить противника основных коммуникаций, а затем разгромить его совместно с войсками Западного фронта. 22-я армия под командованием генерал-майора В.И. Вострухова, наступая на Белый, Ярцево, должна была обеспечить главную группировку фронта с запада.

В первый же день 39-я армия – 361, 373, 355, 381, 183 и 357-я стрелковые, 46-я и 54-я кавалерийские дивизии, 148-й и 165-й отдельные танковые батальоны, три батальона РС, три артполка РГК – прорвала оборону противника западнее Ржева на участке 15 км и, не встречая больше особого сопротивления, устремилась на юг, к Осуге и Сычевке. Однако соседи генерала Масленникова пока топтались на месте.

Справа 22-я армия – 179, 186 и 178-я стрелковые дивизии – за неделю боев практически не продвинулась вперед ни на шаг. Лишь 15 января в связи с отходом 253-й и 102-й пехотных дивизий, вызванным успешным наступлением Еременко, войска генерала Вострухова овладели Селижаровом и частью сил переправились через Волгу.

29-й армии генерал-майора В.И. Швецова, в состав которой входили 220, 369, 252, 243, 246 и 174-я стрелковые дивизии, 143-й и 159-й танковые батальоны, два батальона гвардейских минометов и четыре артполка РГК, наступавшей с севера на Ржев, не удалось сбить с позиций части 6-го армейского корпуса.

Не лучше обстояли дела на левом крыле Калининского фронта. 31-я армия генерал-майора В.А. Юшкевича в составе 247, 359, 262, 119, 5-й и 250-й стрелковых дивизий на исходных позициях сражалась с 161-й и 162-й пехотными дивизиями противника.

30-я армия генерал-майора Д.Д. Лелюшенко – 363, 348, 379, 371, 365-я стрелковые дивизии – не смогла преодолеть упорное сопротивление 36-й моторизованной и 251-й пехотной дивизий.

Для ликвидации угрозы удара во фланг группировки фронта, наступавшей на Сычевку, Ставка потребовала во что бы то ни стало не позднее 12 января взять Ржев, привлекая все войска 29-й армии и часть сил 39-й армии. Конев решил, используя успех генерала Масленникова, произвести перегруппировку армии Швецова в полосу прорыва и захватить город ударами с запада и северо-запада. Но все атаки девяти советских дивизий отражались обороной противника.

Одновременно 11 – 12 января был введен в прорыв 11-й кавалерийский корпус под командованием полковника Соколова. В его состав входили 18, 24, 82-я кавалерийские и 2-я гвардейская мотострелковая дивизии. Задача корпуса состояла в том, чтобы, достигнув района западнее Сычевки, отрезать противнику пути отхода. В дальнейшем конникам предстояло перерезать автостраду Москва – Минск западнее Вязьмы.

Таким образом, в первую неделю наступления войска Конева достигли успеха лишь на направлении главного удара. Но и этот успех был ограниченным. Хотя к 15 января войска 39-й армии пятью дивизиями вышли на подступы к Сычевке, овладеть городом они не смогли. Железная дорога Ржев – Сычевка – Вязьма оставалась в руках противника. Немцы перебросили сюда дополнительно 1-ю танковую дивизию генерала Крюгера из района Лотошино и части 208-й пехотной дивизии из резерва. Войска Масленникова были скованы боями и понесли большие потери. Тылы армии, базировавшиеся на одну грунтовую дорогу, отстали; красноармейцы перешли на «самообеспечение» на и без того основательно разграбленной оккупантами территории. Выход в район юго-западнее Сычевки кавалерийского корпуса Соколова ничего не изменил. Поэтому командование фронта вынуждено было почти на неделю задержать конницу на правом фланге 39-й армии до окончательного выяснения обстановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.